

18+

Валерий Касаткин

ПЕРЕСИЛИТЬ СТРАХ

Детектив

Валерий Касаткин

Пересилить страх. Детектив

«Издательские решения»

Касаткин В.

Пересилить страх. Детектив / В. Касаткин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509826-9

«Пересилить страх» — детективная повесть о прекрасной и умной женщине, которая, являясь директором школы, всю себя отдаёт работе и мечтает о личном счастье и любви. На своём пути женщина сталкивается с людскими пороками, с непростыми судьбами участников афганской войны, с проблемами школьного образования. Главная героиня, обладая внутренней и внешней красотой, уверенно идёт навстречу своему счастью.

ISBN 978-5-00-509826-9

© Касаткин В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	10
Глава вторая	11
Глава третья	18
Глава четвёртая	29
Глава пятая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Пересилить страх Детектив

Валерий Касаткин

© Валерий Касаткин, 2019

ISBN 978-5-0050-9826-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

За зубами язык, нервы – в ножны,
Мы ветвями ползём в горах.
На войне чудеса возможны,
Если все пересилим страх. (Л. Л. Маранов)

Сдирали кожу, отрубали руки,
Но долг святой и честь вели к победе.
В чужих горах не ощущались муки,
За Родину там были мы в ответе.

Предисловие

Легенды рождаются тогда, когда какое-то историческое событие окутано тайной и отсутствуют достоверные факты, было ли оно в действительности. Так и о дате основания белорусского города Витебска, в котором будут развиваться события романа, до сих пор ведётся спор. Сейчас доподлинно известно, что в ходе переселения восточнославянские племена кривичи, объединённые в союз на основе одной крови, культуры, души и языка с особенностями диалектов, в восьмом-десятом веках заселили верховья Западной Двины, Днепра и Волги и согласно одной из гипотез вошли в состав древнерусской народности. К девятому веку племена кривичей поселились и в устье реки Витьбы на левом берегу Западной Двины, где по легенде в 974 году киевская княгиня Ольга, возвращаясь из военного похода, основала на горе крепость, дав ей название Видбеск. Однако согласно подлинным данным Ольга умерла в 969 году. Возможно, предполагают исследователи, переписчик Витебской летописи перепутал местами цифры 7 и 4 в дате 974. В «Описании Полоцкой губернии» годом основания Витебска указан и 914 год, что также маловероятно, поскольку Ольга в этом году была молоденькой девушкой. Так или иначе, но археологи пришли к выводу, что в девятом-десятом веках на территорию современного Витебска пришли несколько племён кривичей, которые объединились в город с центром на горе Ломихе (Замковая), где до этого находилось городище племён балтов. Возможно, поэтому некоторые считают, что у современных белорусов текут частички крови латышей и литовцев. Но белорусы не «литвины», а ветвь единого народа, образованного кривичами и другими восточнославянскими племенами. Ветвями этого народа являются также русские и украинцы. (Это позиция автора, которую могут не разделять некоторые исследователи).

В летописях первое упоминание о Витебске относится к 1021 году. Витебская энциклопедия даёт перевод текста:

В 1021 году великий князь Киевский и князь Новгородский Ярослав Мудрый победили полоцкого князя Брячислава Изяславовича, но желая иметь его союзником, отдали ему два города: Витебск и Усвят (ныне посёлок городского типа Усвяты Псковской области).

Именно эта дата до 1970 года считалась основанием города, и в 1921 году была сделана попытка отметить его 900-летний юбилей. Но из-за нехватки средств праздник ограничился заседанием комиссии с торжественными речами и музыкой.

В начале семидесятых годов двадцатого века учителя истории школы №3 М. С. Рывкина откуда-то сверху осенила идея заняться обоснованием 974 года как даты основания города в соответствии с «Витебской летописью». Рывкин вошёл в дружеский сговор с археологом, кандидатом исторических наук из московского Института археологии Академии наук СССР Л. В. Алексеевым, который проводил раскопки на территории Беларуси, заручившись в свою очередь поддержкой академика Б. Рыбакова, директора Института археологии. В 1971 году этот институт на запрос секретаря Витебского горкома КПБ И. Наумчика ответил, что тысячулетний юбилей города Витебска следует отметить в 1974 году, определив 974 год за условную дату его основания. В результате продуманного тактического хода, невзирая на ненаучные и неисторические доводы указанных выше лиц, граждане города получили грандиозный праздник на берегу Двины с исторической реконструкцией с участием княгини Ольги и воинов, с вручением Витебску ордена Трудового Красного Знамени, с дополнительным финансированием и ежегодными праздничными торжествами. За это стоит поблагодарить от имени всех сограждан товарища Рывкина, понимая, что легенда об основании Витебска княгиней Ольгой на ход истории никак существенно не влияет, а празднование дня города, несомненно, отражается на настроении витеблян, на их решимости и желании делать своё поселение ещё краше, богаче, уютнее.

Легенды создают люди, поэтому автор этих строк, являющийся потомком кривичей, также рискнул поведать читателю свою легенду, связанную с историей Витебска, явившуюся ему во снах и фантазиях.

В племени кривичей, что поселились на Замковой горе, жил мужчина по имени Венцеслав, обладающий даром предвидения. Однажды летом в девятом веке нашей эры, когда диск солнца показался на восточном горизонте и осветил великолепие окружающей природы, Венцеслав, выйдя к устью Витьбы, где воды небольшой речки незамедлительно поглощались мощным течением реки Западная Двина, с удивлением увидел в слиянии потоков чередующиеся картины будущего своего поселения. Кривич, погрузившись в состояние транса, отправил свою душу и мысли вперёд по волнам истории, а очнувшись, вернулся домой и обратился к своей большой семье:

– Сегодня мне было видение о том, что наше поселение через пару веков станет славным городом, центром княжества. А потом начнётся его уникальная история, связанная с трагическими и счастливыми событиями: войнами, пожарами, разрушениями, расцветом ремесла и культуры, подчинением то одним, то другим племенным союзам. Но лишь после тысячелетнего развития оно вступит в период стабильности и мирной жизни, который продлится до исчезновения солнца, – Венцеслав посмотрел на своих детей, – поэтому даю вам наказ передавать мои слова из поколения в поколение, потому что однажды в земную жизнь придёт человек и опишет эту нашу сегодняшнюю беседу.

Через тысяча восемьдесят один год такой человек явился на свет в лице автора этой книги, подтверждающего, что предсказания кривича сбываются. В 12 веке Витебск становится центром удельного княжества, с 1320 года входит в состав Великого княжества Литовского, с 1569 года – Речи Посполитой, а в 1772 году после первого раздела Польши Витебск был включён в состав России. Между этими датами велись многочисленные войны, среди которых была и битва против московских войск, в результате чего 25 ноября 1644 года польским королём и князем ВКЛ Владиславом IV Витебску было возвращено Магдебургское право и герб.

С 16 июля по 7 ноября 1812 года Витебск был оккупирован французскими войсками. В этот период до 31 июля в помещении Губернаторского дворца находился Наполеон со своим штабом. Пережил Витебск и оккупацию фашистских войск во время Великой Отечественной войны в период с 11 июля 1941 года по 26 июня 1944 года. И это были самые тяжёлые испытания, выпавшие на долю города с населением в 167,3 тысячи человек, за всё время его существования. Город на девяносто процентов превратился в руины, в которых выжило всего 118 человек. Десятки тысяч жителей были уничтожены, угнаны в Германию, замучены в концлагерях. Но город возродился и благодаря усилиям белорусского народа превратился в один из индустриальных центров республики, стал поистине её культурной столицей.

Витебская земля рождает замечательных простых и знаменитых людей, к которым относятся: Казимир Малевич – художник, философ, один из основателей супрематизма. Иегуда Пэн – художник и педагог живописи, первый учитель Марка Шагала. Марк Шагал – художник-модернист, один из лидеров мирового авангарда. Марк Фрадкин – советский композитор, народный артист СССР. Василь Быков – белорусский писатель. Жорес Алфёров – физик, лауреат Нобелевской премии по физике 2000 года.

На витебской земле родилось много и других известных людей. Кривич Венцеслав, конечно, не мог предсказать появление на свет конкретного человека, как и то, что в Витебске, входящем сейчас в состав независимого государства Беларусь, зародится Международный фестиваль искусств «Славянский базар», песни которого понесут всему человечеству призыв к дружбе, сотрудничеству и миру. Венцеслав не мог предсказать и те события, которые будут описаны ниже и которые неразрывно связаны с историей города. Автор, как и его далёкий предок кривич, верит, что история прекрасного города на Двине будет продолжаться до тех пор, пока не погаснет солнце. А это произойдёт через миллиарды лет.

Написать эту книгу автора также вдохновил и гимн о Витебске на стихи замечательной женщины – Тамары Ивановны Красновой-Гусаченко, председателя Витебского областного отделения ОО «Союз писателей Беларуси», первого лауреата Первой Национальной литературной премии Республики Беларусь в номинации «Поэзия».

Па-над Віцебскам цераз вякі
Храм Успення бялюткі ляціць.
Вольга мудрая ўзмахам рукі
Загадала: «Тут гораду быць!»
Залатых купалоў ціхі свет
І слаўтай гісторыі гімн,
Гонар горада – людзі твае,
Назаўжды ты у сэрцы маім.

Горад над Дзвіной,
Нібы белы птах,
Родны Віцебск мой,
Жыць табе ў вяках!
Хай цябе заўжды
Зберагае Спас,
Лік Яго святы
На гербе у нас!

Твае таленты славіць сусвет:
Між сузор'яў нябесных планет,
Навуковец, мастак і паэт
Свой высокі пакінулі след.
Тыя ордэны, што на сцягах —
Гэта доказ пра доблесць і плён,
Пра вялікі і велічны шлях
І плеяду слаўтых імён.

Горад над Дзвіной,
Нібы белы птах,
Родны Віцебск мой,
Жыць табе ў вяках!
Хай цябе заўжды
Зберагае Спас,
Лік Яго святы
На гербе у нас!

Кода:
Стаў нашым лёсам
Ты назаўсёды,
Ані забыць цябе,
Ні разлюбіць,
Нас аб'яднала
І доля, і мэта,
Віцебску многая,
Многая лета!

Віцебску многая лета!

Глава первая

1

Женщина вышла на крыльцо небольшого дома и улыбнулась небу, которое в середине февраля уже примеряло земле весну. В яблоневом саду появились проталины, в воздухе повисли ароматы пробуждающейся жизни. Женщина потёрла от удовольствия руки и подумала: слава Богу, перезимовала, а если с теплом так дело пойдёт и дальше, то совсем скоро она высадит рассаду помидор в парник. А ещё каких-то пару лет назад она замерзала на севере России, зарабатывая пенсию. И вот теперь её мечта сбылась. Она вернулась в родительский дом в белорусскую деревню, расположенную недалеко от прекрасного древнего города Витебска. Летом к ней обязательно приедет дочка с внучкой на отопев. И русский зять любит побывать в этих благодатных местах расцветающей страны Беларусь. Вот она – радость жизни! – женщина посмотрела вокруг и взгрустнула от мысли о том, что не каждому доведётся дожить до весны, чтобы почерпнуть в ней силы для дальнейшего пути. Но она пока живёт и радуется жизни. Ведь люди здесь сохранили доброжелательность и чистоту своих душ, и её душа также не испорчена злобой и завистью. Женщина посмотрела на соседний дом, в котором недавно поселился ветеран афганской войны, и подумала: хороший, добрый мужчина, с руками, однако страдающий алкогольной зависимостью. Правда, в последнее время сосед стал меньше пить, в чём есть и её заслуга: женщина время от времени заглядывает к приятному человеку в гости и подолгу с ним разговаривает на житейские темы, убеждая бывшего «афганца» перейти к трезвому образу жизни. Тут бывшая северянка вздохнула, – что-то сегодня соседа долго не видно, – может, в город поехал, надо сходить проведать.

Женщина зашла к соседу в дом и обомлела: мужчина прямо в одежде лежал на кровати и не дышал. Выражение лица его, как и поза, свидетельствовали о том, что он был мертв. Женщина сначала позвонила в милицию, а потом сообщила о случившемся жене «афганца». Стоял февраль 2019 года.

Глава вторая

1

Восторг переполнял зарождающуюся душу мальчишки. Он, пробравшись через заросли краснотала, оказался на крутом берегу величественной реки Днепр с голубой водой, с островами, за которыми открывалась такая же голубая даль. Он вот-вот взлетит и устремится в неизведанную загадочную жизнь, где, несомненно, приобретёт счастье и сделает счастливыми других людей.

Откуда-то издалека в сознание спящего стал проникать гудок. Мальчик проснулся и, услышав, как отец собирается на завод, быстро подскочил с кровати, подбежал к красивому черноволосому усатому мужчине и произнёс:

– Папа, я сегодня опять с тобой пойду.

– Конечно, Лёня, пойдёшь. А как же иначе. Пусть видят все, какая мне смена растёт, и как быстро ты становишься настоящим мужчиной.

Черноволосый, чернобровый пятилетний мальчик подпрыгнул от радости и побежал одеваться. Находившаяся рядом мама ребёнка лишь радостно улыбалась и качала головой.

Вскоре парень гордо шёл в ногу с отцом, держась за его руку и вертя головой по сторонам. Рабочий посёлок Каменское Екатеринославской губернии проснулся, и людские ручейки, слившись в один мощный поток, устремились к проходной металлургического завода, который своими утренними и вечерними гудками много лет мерил жизнь всех этих людей.

Дойдя до определённого места, мужчина, которого звали Илья, погладил сына по головке и сказал:

– А теперь беги домой, позавтракай и помогай маме в домашних делах. Ещё немного подрастёшь и будешь мне приносить обед на завод.

Такое доверие от родителей Лёня получил через три года. Приготовленные матерью судки с обедом он принёс отцу прямо на завод и, увидев, как тот, словно богатырь, управляет с раскалённым металлом, впервые задумался об адском труде рабочих. Русский богатырь, увидев сына, поставил вместо себя на рабочее место подменного, вышел на улицу и, быстро управившись с едой, поблагодарил сына и отправил гулять.

Лёня, довольный приобщением к такому значимому взрослому делу, вышел из ворот завода, а потом, присоединившись к своим друзьям и увлечшись уже своими детскими мечтами и целями, бежал к реке, чтобы искупаться в голубой воде и переплыть на остров, который всегда манил его к себе какой-то загадочностью и другой жизнью. Чернобровый мальчик в свои восемь лет уже понимал, что действительно есть совершенно иная жизнь, отличная от жизни рабочей слободы, которая была пропитана дымом от заводских труб и измотана изнурительным трудом на заводе, где его отец работал по двенадцать, а то и по восемнадцать часов, не зная отдыха и праздников. Эту другую жизнь Лёня видел через забор «Верхней колонии», за которым купалась в роскоши администрация завода, отличаясь высокомерием и пренебрежением к трудовому народу. Лёня чувствовал, что в рабочей среде назревает взрыв недовольства от рабского бесправного положения, и от родителей он уже слышал слова «революция» и «война». Эти слова его пугали, поскольку несли людям смерть. Это было лето 1913 года.

А потом у Лёни была учёба в гимназии, восторженное ликование по поводу Социалистической революции и прихода к власти партии большевиков, работа на заводе, учеба в техникуме, и снова работа в разных уголках необъятной страны, в том числе и в Кохановском районе Оршанского округа Белорусской ССР (ныне Толочинский район), учёба в институте и возвращение на родной завод. Из способного, упорного и настойчивого мальчика Лёня превратился в Леонида Ильича Брежнева, прошедшего закалку трудом, комсомолом, партией коммуни-

стов. И всегда он помнил слова отца: «Если уж ты обещал, то держи слово. Сомневаешься – говори правду, боишься – не делай, а сделал – не трусь. Если уверен в правоте, стой на своем до конца». А когда грянула война с фашистскими извергами, Леонид Ильич также вспомнил один из разговоров с отцом:

– Скажи, Леня, какая самая высокая гора в мире?

– Эверест.

– А какая у нее высота?

Леонид опешил: что это он его экзаменует?

– Точно не помню. – Что-то около девяти тысяч метров... Зачем тебе?

– А Эйфелева башня?

– По-моему, триста метров.

Отец долго молчал, что-то прикидывая про себя, потом сказал:

– Знаешь, Леня, если б нам поручили, мы бы сделали повыше. Дали бы прокат. Метров на шестьсот подняли бы башню.

– Зачем, отец?

– А там бы наверху – перекладину. И повесить Гитлера. Чтобы, понимаешь, издали все видели, что будет с теми, кто затевает войну. Ну, может, не один такой на свете Гитлер, может, ещё есть кто-нибудь. Так хватило бы места и для других. А? Как ты думаешь?»

На этот вопрос, заданный отцом задолго до начала Второй мировой войны, Леонид Ильич ответил бесстрашной борьбой с гитлеровскими полчищами, вторгшимися на родную землю.

Великую Отечественную войну Брежнев встретил в должности секретаря Днепропетровского обкома Коммунистической партии по оборонной промышленности. В военное время проходил службу на разных политических должностях в действующей армии. Газета «Правда» за 1943 год в статье «225 дней мужества и отваги» писала:

«Начальник политотдела 18-й армии полковник Леонид Ильич Брежнев сорок раз приплывал на Малую Землю, а это было опасно, так как некоторые суда в дороге подрывались на минах и гибли от прямых снарядов и авиационных бомб. Однажды сейнер, на котором плыл Брежнев, напоролся на мину, в результате чего полковника выбросило в море... его подобрала матросы...».

Спустя многие годы Леонид Ильич, являясь руководителем государства, в книге «Малая земля» так вспоминал о тех событиях:

«Переправы мы осуществляли только ночью... Ночная тьма во время переправ была вообще понятием относительным. Светили с берега немецкие прожекторы, почти непрерывно висели над головой «фонари» – осветительные ракеты, сбрасываемые с самолетов. Откуда-то справа вырвались два вражеских торпедных катера, их встретили сильным огнем наши «морские охотники». Вдобавок ко всему фашистская авиация бомбила подходы к берегу.

То далеко от нас, то ближе падали бомбы, поднимая огромные массы воды, и она, подсвеченная прожекторами и разноцветными огнями трассирующих пуль, сверкала всеми цветами радуги. В любую минуту мы ожидали удара и, тем не менее, удар оказался неожиданным. Я даже не сразу понял что произошло. Впереди громыхнуло, поднялся столб пламени, впечатление было, что разорвалось судно. Так оно в сущности и было: наш сейнер напоролся на мину. Мы с лоцманом стояли рядом, вместе нас взрывом швырнуло вверх. Я не почувствовал боли. О гибели не думал, это точно. Зрелище смерти во всех ее обличьях было уже мне не в новинку, и хотя привыкнуть к нему нормальный человек не может, война заставляет постоянно учитывать такую возможность и для себя. Иногда пишут, что человек вспоминает при этом своих близких, что вся жизнь проносится перед его мысленным взором, и что-то главное он успевает понять о себе. Возможно, так и бывает, но у меня в тот момент промелькнула одна мысль: только бы не упасть обратно на палубу.

Упал, к счастью, в воду, довольно далеко от сейнера. Вынырнув, увидел, что он уже погружается. Часть людей выбросило, как и меня, взрывом, другие прыгали за борт сами. Плавал я с мальчишеских лет хорошо, всё-таки рос на Днепре, и в воде держался уверенно. Отдышался, огляделся и увидел, что оба мотобота, отдав буксиры, медленно подрабатывают к нам винтами.

Я оказался у бота э-9, подплыл к нему и лоцман Соколов. Держась рукой за привальный брус, мы помогали взбираться на борт тем, кто под грузом боеприпасов на плечах с трудом удерживался на воде. С бота их втаскивали наверх. И ни один, по-моему, оружия не бросил.

Прожекторы уже нащупали нас, вцепились намертво, и из района Широкой балки западнее Мысхако начала бить артиллерия. Били неточно, но от взрывов бот бросало из стороны в сторону. Грохот не утихал, а снаряды вокруг неожиданно перестали рваться. Должно быть, наши пушки ударили по батареям противника. И в этом шуме я услышал злой окрик:

– Ты что, оглох? Руку давай!

Это кричал на меня, протягивая руку, как потом выяснилось, старшина второй статьи Зимода. Не видел он в воде погон, да и неважно это было в такой момент. Десантные мотоботы, как известно, имеют малую осадку и низко сидят над водой. Ухватившись за брус, я рванулся наверх, и сильные руки подхватили меня.

Тут только почувствовал озноб: апрель даже на Черном море не самое подходящее время для купания. Сейнера уже не было».

Далее в этой книге Брежнев утверждал:

«Нам война была не нужна. Но когда она началась, великий советский народ мужественно вступил в смертельную схватку с агрессорами».

И уже в послевоенное время, занимая высокие государственные посты, в том числе руководителя целого государства, Леонид Ильич делал всё, чтобы война больше никогда не пришла к советским людям. Но, но, но...

В 1979 году в Афганистане, который считался другом СССР, начала складываться политическая обстановка не в пользу великой державы. Ещё в 1919 году Советская Россия одна из первых признала независимость монархического феодального государства от Англии и, несмотря на собственное тяжёлое положение в экономике, оказала ему значительную финансовую и военную помощь. Помощь за дружбу и за гарантию спокойной обстановки на границе с СССР предоставлялась и в последующие годы. Но в Афганистане всегда было неспокойно. Постоянные государственные перевороты и связанные с ними вооружённые конфликты между различными группировками делали это государство ненадёжным партнёром на мировой арене. Для руководства Советского Союза настало время поставить во главе Афганистана своего человека с коммунистическими взглядами и не допустить туда американцев. И такой человек был.

По этой причине в 1979 году оппозиция Афганистана предприняла ряд решительных выступлений против руководства своей страны.

Брежнев после долгого обсуждения в узком кругу со своими соратниками Андроповым, Громыко, Устиновым, Суловым принимает решение о вводе ограниченного контингента советских войск в Афганистан. Многие крупные военные начальники осторожно высказались против такого решения, считая, что это только обострит обстановку в стране, поскольку афганское население враждебно воспринимает любую интервенцию со стороны других государств, а внутри самой страны процветает вражда между народностями, племенами, общинами, где до фанатизма проповедуется ислам, а экономика, несмотря на огромные богатства недр, представляет собой печальное зрелище, и уже полным ходом идёт гражданская война между сторонниками социалистического правительства и объявившими ему священный джихад радикальными исламистами, которые и организовали отряды моджахедов. Для этих целей использовалась территория Пакистана и вооружение, поставляемое странами-членами НАТО.

Несмотря на это 12 декабря Политбюро ЦК КПСС утвердило такое решение, главным итогом которого должна стать ликвидация действующего Президента Афганистана, погрязшего в репрессиях, стабилизация обстановки внутри страны и недопущение иного иностранного военного вмешательства в дела дружественного государства.

2

В то время, когда двадцатитрехлетний Брежнев работал заместителем начальника Уральского областного земельного управления и поднимался всё выше по карьерной лестнице, в Афганистане в провинции Пагман, близ Кабула, в семье начальника тюрьмы Гильзая из племени пуштунов хароти родился Хафизулла Амин. С раннего детства мальчик стал впитывать в себя идеи превосходства пуштунов над другими племенными, объединениями монархического полуфеодального бедного государства. А где царствует нищета, там начинается вражда даже между соседями, и там рождаются пороки. Под влиянием фанатического превознесения пуштунов и складывающейся сложной политической и экономической обстановки Амин становится очень амбициозным человеком с проявлением таких черт характера, как коварство, вероломство и тщеславие. Получив университетское образование сначала в Кабуле, а потом в США, Хафизулла из мальчика, который когда-то увидел дворец короля на возвышенности, превратился в мужчину, мечтающего править страной с трона этого дворца и сделал для этого всё возможное.

В 1973 году короля Захир-шаха в результате государственного переворота сверг его двоюродный брат, бывший премьер-министр Мохаммад Дауд, который будучи во главе правительства поддерживал тесные дружеские отношения с СССР. Однако в 1978 году и он был свергнут леворадикальными силами, активно поддерживаемыми марксистской Народно-демократической партией Афганистана. Дауд и восемнадцать членов его семьи были убиты. К власти пришёл основатель партии Мухаммед Тараки. Обстановка в стране ещё больше обострилась. В самой партии тоже произошёл раскол на радикальную фракцию «Хальк» («Народ») и «Парчам» («Знамя»), которую возглавил Бабрак Кармаль.

Коммунистическая партия Советского Союза не считала НДПА братской и осуществляла лишь посредническую миссию между фракциями. Борьба внутри партии продолжалась. Усилила борьбу за власть и оппозиция. Вместе с этим в стране появились самостоятельные вооружённые формирования, созданные шейхами, ханами, старшинами, враждующие между собой и выдвигающие, как и оппозиция, многочисленные требования. На территории Афганистана постоянно действовали и просто грабительские банды, нападающие и на крестьян, и на бизнесменов.

В результате внутривнутрипартийной борьбы к власти как в партии, так и в государстве, пришёл Хафизулла Амин, по приказу которого был убит Тараки. Амин начал своё правление с террора и с разных противоречивых обещаний улучшить жизнь людей и пойти по социалистическому пути развития. В связи с тем, что оппозиция и всевозможные банды не прекращали, а даже усиливали борьбу за власть, Амин, как и когда-то Тараки, обратился с просьбой к руководству СССР о необходимости интервенции в Афганистан.

Вот как описываются те события на интернет-ресурсе real-vin.com:

«Ещё будучи премьером, Амин постоянно выступал за введение в Афганистан советских войск, а когда совершил переворот, начал упрашивать Москву сделать это как можно скорее. Он окружил себя советскими военными советниками, постоянно консультировался с КГБ и МО СССР, полностью доверял лишь врачам из СССР и надеялся в конечном итоге на наши войска. Амин боялся и НДПА, и моджахедов. Он распустил службу безопасности Тараки и публично объявил, что с момента Апрельской революции в результате репрессий правительства Тараки погибло более 12-ти тысяч людей. Однако Хафизулла Амин не только

не прекратил террор, а, наоборот, усилил репрессии и даже превзошел в этом Дауда и Тараки. Афганские коммунисты и секретари ЦК КПСС видели в Амине афганский аналог Сталина или Мао Цзэдуна.

12 декабря 1979 года Политбюро ЦК КПСС приняло секретное постановление «К положению в Афганистане». Суть его сводилась к тому, что необходимо устранить Хафизулла Амина, на его место поставить Бабрака Кармаля (третьего лидера НДПА, сбежавшего от Амина в СССР), а для стабилизации положения послать в Афганистан войска. 27 декабря началась подготовка к штурму дворца Амина Тадж-бек. В тот день советские агенты подсыпали яд в еду Амина, когда тот давал обед по случаю возвращения из Москвы секретаря ЦК НДПА Панджшири. Но ничего не подозревавшие советские медики чудом спасли Амину жизнь, после чего спецгруппы КГБ пошли на штурм дворца.

Находившиеся во дворце советские врачи и специалисты попрятались кто куда. Сначала они думали, что напали моджахеды, затем, что их штурмуют сторонники Тараки. Личная охрана Амина не очень успешно, но отчаянно отстреливалась от спецназовцев. Те, естественно, работали по принципу «зачистки»: в каждое новое помещение или коридор бросалось несколько гранат, затем автоматные очереди вслепую и осмотр «сотворённого». По этой причине погибло много гражданских лиц из прислуги, почти вся охрана и родня Амина, многие советские специалисты. Спецназ потерял около десяти человек убитыми, и вполне возможно, что кого-то подстрелили свои – дворец штурмовался со всех сторон сразу...

Когда наши врачи слышали русский мат, они поняли, что атакуют свои, но это в принципе мало что поменяло. Доктора Алексеев и Кузнеченков, которые присматривали за дочерью Амина и её грудным ребенком, спрятались под стойкой бара. Вскоре они увидели Амина, который шел по коридору в белых адидасовских трусах, держа в высоко поднятых, обвитых трубками руках, словно гранаты, флаконы с физраствором. Лишь несколько часов назад вышеуказанные эскулапы откачали диктатора после отравления и поставили ему капельницы. Алексеев, выбежав из укрытия, первым делом вытащил иглы, прижал пальцами вены, чтобы не сочилась кровь, и довел президента до бара.

Амин прислонился к стене, когда слышался детский плач: из боковой комнаты вышел, размазывая кулачками слезы, его пятилетний сынишка. Увидев отца, бросился к нему, обхватил за ноги. Амин прижал его к себе, и они вдвоем присели у стены. Амин приказал подошедшему адъютанту позвонить и предупредить... советских военных советников о нападении на дворец. При этом он сказал: «Советские помогут». Адъютант доложил, что стреляют именно советские. Эти слова вывели Амина из себя, он схватил пепельницу и бросил ее в адъютанта: «Врешь, не может быть!» Затем сам набрал начальника Генштаба, командира 4-й танковой бригады, но связи не было. После этого Амин тихо проговорил: «Я об этом догадывался, всё верно». В холл с баром ворвались двое спецназовцев (почему-то без гранат), которые сходу выпустили несколько очередей из автоматов: Амин с сыном, его адъютант и Алексеев погибли на месте...

Впрочем, это лишь одна, но признанная самой достоверной, из версий смерти Амина. Как вспоминал один из спецназовцев: «Мы оставили дворец, в котором ковры были пропитаны кровью, хлюпающей под ногами». Убитых афганцев, в том числе и двух малолетних сыновей Амина, закопали в братской могиле неподалеку от дворца Тадж-Бек, где с июля 1980-го располагался штаб 40-й армии. Труп Амина, завернутый в ковёр, был погребен там же, но отдельно от остальных. Никакого надгробия ему поставлено не было. Оставшиеся в живых члены его семьи были посажены в тюрьму Пули-Чархи, сменив там семью Тараки. Даже дочь Амина с перебитыми ногами и с грудным ребенком на руках оказалась в камере с холодным бетонным полом...»

Эти же события историк Нурали Давлат специально для Asia-Plus описал так:

«К операции по ликвидации Амина привлекли спецназ КГБ СССР – группы «Гром» (впоследствии с подачи журналистов ее стали называть «Альфой») и «Зенит», а также более 550 солдат и офицеров «мусульманского батальона».

Мусбат готовили более 6 месяцев. По легенде они должны были обеспечить охрану президента Амина в районе Тадж-Бека.

Подготовка операции в Кабуле была возложена на генералов КГБ Иванова и Кирпиченко. Генерал Дроздов, начальник управления «С» ПГУ, руководил операцией по захвату дворца Тадж-Бек.

Иванов и Кирпиченко доложили в Москву о том, что ликвидация Амина без помощи армии невозможна. 25 декабря в афганскую столицу перебросили Витебскую десантную дивизию.

В этот день каждые 15 минут в Кабульском международном аэропорту стали приземляться советские военные самолеты. Началась переброска советских войск в Афганистан.

27 декабря 1979 года афганский президент пригласил на новоселье во дворец членов партии и правительства, а также генералитет и руководителей спецслужб. Все приглашенные были вместе с супругами.

Хафизулла Амин радовался, что, наконец, ему удалось добиться ввода советских войск в Афганистан. Но ближе к обеду всем гостям стало плохо. Все падали в обморок. Вскоре сам Амин тоже потерял сознание. Его жена приказала срочно доставить в Тадж-Бек советских врачей. Тем временем в посольстве ждали звонка агентов об успехе операции. А звонка не было. Доктор Тутатель, главврач Центрального госпиталя афганской армии, где работали советские врачи, попросил их срочно поехать в Тадж-Бек, где Амину стало плохо.

Это был серьезный прокол организаторов операции, так как они не учли этот момент: упустили из виду, что в Кабуле кроме посольских врачей работают также военные доктора, которые ничего не знали об операции КГБ против Амина.

Группа в составе Анатолия Алексева, Александра Шанина, Виталия Кузниченко и Станислава Коноваленко срочно выехала по вызову. Они откачали Амина. Когда стало понятно, что план с отравлением провалился, операцию срочно перенесли на более ранний срок, на 19 часов, чтобы сторонники афганского президента не спохватились.

Началась операция под кодовым названием «Шторм -333». Но даже сам Амин не верил, что дворец атакуют советские солдаты и офицеры».

Ещё немного предыстории ввода советских войск в Афганистан. К началу афганской войны руководитель страны Леонид Брежнев был уже тяжело болен и не мог принимать самостоятельно волевые решения. По сути дела у государственного руля оказались три человека – председатель КГБ Юрий Андропов, министр обороны Дмитрий Устинов и министр иностранных дел Андрей Громыко, которые, демонстрируя друг перед другом, перед народом и Брежневым свою значимость, внушили членам политбюро коммунистической партии мысль о необходимости ввести войска в Афганистан. При этом военные и партийные советники делали ставку на одни силы в полуфеодальном государстве, а КГБ – на другие. Но никто в тогдaшнем руководстве СССР объективно не задумался об отношении всего афганского народа к интервенции. А этот народ постоянно страдал от постоянных дворцовых переворотов и был обозлён на всех и тем более не терпел вмешательства других государств в свои дела. Андропов, анализируя донесения своей разведки и сопоставляя их с данными партийных и военных советников, ошибся в главном выводе, который и привёл к трагическому вводу войск в чужую и совсем не дружественную страну. Однако здесь надо отметить, что глава Афганистана Амин с любовью относился к СССР. Об этом свидетельствовала его жена, которая несмотря на убийство мужа и двух их сыновей, на то, что она с другими выжившими детьми провела некоторое время в тюрьме в страшных условиях, в будущем выбрала местом жительства Советский Союз.

Афганскому народу не понравились преобразования Амина, ведущие к социализму, и кровавый террор в отношении инакомыслящих граждан. Эти граждане начали вооружённое сопротивление. Перестал Амин устраивать и лично Брежнева. Андропов пообещал своему руководителю, что их ненадёжного друга уберут чекисты. Но попытки физического устранения Амина не увенчались успехом. Тогда было принято решение о штурме дворца, а потом и о боевых действиях в стране, в которой в свое время мощное государство Великобритания за тридцать восемь лет так и не смогло покорить свободолюбивый и своенравный афганский народ. Но решение было принято кучкой людей: и 19 декабря 1979 года в Афганистан сначала отправился «мусульманский батальон», а следом за ним 25 декабря была переброшена 103-я гвардейская воздушно-десантная дивизия. В назначенное время начался штурм дворца силами спецназа КГБ и десантников. Перед штурмом бойцам разрешили выпить водки из расчёта бутылка на три человека. А потом полилась кровь. Афганцы не могли поверить, что погибают от рук друзей. Были убитые и среди советских воинов. Так началась десятилетняя война, единственной пользой от которой, возможно, стала проверка способности советской армии выполнять боевые задачи, проверка советских солдат на преданность Родине, их готовность погибнуть за неё даже на территории другого государства. Эти испытания армия в целом и каждый солдат в отдельности выполнили с честью. Но если бы Брежнев был в полном здравии, он бы не допустил этой бессмысленной войны.

Глава третья

1

Он парил над вершинами красивейших гор, завораживающих и вместе с тем вызывающих какой-то необъяснимый волнующий страх. Раннее солнце уже освободилось от цепей причудливых хребтов и осветило древний город, расположенный в долине, который своими окраинами как будто карабкался на склоны этих гор. С высоты казалось, что этот город состоит из миллиона пчелиных улей разных размеров и конфигураций, прижавшихся друг к другу.

Он полетел солнцу навстречу. Ослепительный шар вдруг сорвался с небосклона и устремился вниз на город. Там, внизу, раздался взрыв, и все пчелиные ульи исчезли в серой едкой пыли. Спящий проснулся, открыл глаза, поводит ими по сторонам и подумал: такой ясный сон, пронзительно похожий на реальность, ему ещё никогда не снился. И что его больше всего удивило – он ни разу в жизни не был в настоящих горах. А во сне они привиделись ему в мельчайших деталях. Восемнадцатилетний двухметровый парень крепкого телосложения встал с кровати, быстро привёл себя в порядок и пришёл на кухню. Там отец и мать уже приготовили завтрак и с каким-то особым вниманием посмотрели на сына. Высокий мужчина средних лет обычной внешности положил руку на плечо парня и произнёс:

– Гена, послушай меня. Сейчас в нашей стране царят мир и согласие. Мы ещё никогда так не жили спокойно, как сейчас. Два года армии пролетят незаметно. Главное, будь всегда человеком, не унижайся и других не обижай. Ты у нас сильный, умный парень и своими поступками и поведением добьёшься уважения у своих командиров и товарищей. И знай, белорусов за добрые сердца и готовность в любой обстановке прийти на помощь всегда и везде уважали. Разные вредные соблазны сразу от себя отметай, – мужчина, которого звали Владимир, – посмотрел на жену.

Женщина поднесла к заблестевшим глазам кухонное полотенце и печально улыбнулась.

– Как появится возможность, сразу напиши нам. Попусту на рожон не лезь. Береги себя.

– Ладно, Вера, давай завтракать, – Владимир сел за стол и кивнул сыну головой, – надейся до отвала. В армии тебя ждёт другой режим и другая еда.

– За меня не волнуйтесь. Отслужу, как надо, – Гена уселся на стул, – я не привередливый и привыкну к любой обстановке и еде. И думаю, что из-за роста мне будут выделять двойную пайку.

– Это так, – кивнул головой отец, – но вот с обмундированием могут возникнуть проблемы.

– Голым служить не буду, – усмехнулся парень.

– Это так, – отец снова кивнул головой и вздохнул.

Через несколько часов Геннадий Аистов стоял на площади областного военкомата в городе Витебске в шеренге вместе с такими же, как он, призывниками и периодически махал огромной рукой родителям и своей девушке Лене, оставшимся за оградой в гражданской мирной суете. Рядом с Геной парень среднего роста по имени Виктор Сергеев тоже взмахами руки успокаивал своих родителей и себя перед неизвестным волнующим испытанием в жизни. Заканчивался 1979 год.

2

Гена и Витя через пару суток оказались в одном учебном подразделении в одной среднеазиатской Республике. Два месяца они учили уставы, устройство оружия, занимались физической подготовкой, после чего приняли присягу на верность Родине и уже как настоящие сол-

даты оказались в настоящей боевой части в чужой стране под названием Афганистан. С этого момента они стали в полной мере ощущать на себе слова из присяги «стойко переносить все тяготы и лишения воинской службы». К тяготам добавилось новое ощущение чужой территории. Гена в первый же день после обустройства в палатке с печкой-«буржуйкой», сделав первые шаги по афганской земле, почувствовал в душе гнетущую тревогу. Такое ощущение у него возникало в детстве, когда он попадал в другую деревню. Тогда ему казалось, что все местные парни враждебно на него смотрят и вот-вот кинутся в драку. Но там была своя земля. А здесь всё чужое: красивые заснеженные горы, небо, кишлаки и люди в них. Отовсюду веяло враждебностью. Невидимый враг был везде. И Гена скоро это ощутил уже в первом походе, когда окружая кишлак с душманами, на mine подорвался парень из его отделения. Гену лишь обдало горячим воздухом с мелкими частичками чего-то твёрдого. А потом началась стрельба, и он стал стрелять на звук вражеских выстрелов.

Вернувшись на базу в палатку, Витя, увидев лицо друга, произнёс:

– С боевым крещением.

Гена усмехнулся.

– А мне сапоги жмут. У меня ведь сорок последний. Видать после боя ноги опухли. Теперь пальцы ноют. Я их, наверное, в горячке поджимал.

– Доложи командиру.

– Мне на складе и так самый большой размер дали. Других нет. Начну ныть, сочтут трусом.

– Но ты же свои ноги угробишь.

– Я придумал выход. Сейчас отдохну, а потом в сапогах отрежу мысы. Дырки замочу портянками, – двухметровый парень, подставив пятки к печке, стал массировать пальцы.

Витя покачал головой.

– Мне кажется, что мы попали на самую настоящую войну.

– Я об этом тоже подумал. Но с кем мы воюем, вот проблема?

Рядовой Аистов потом постоянно задавал себе этот вопрос. Особенно он вставал остро, когда, зачищая очередной кишлак от «духов», мирные жители якобы тебя встречают дружелюбно, а ночью даже подростки с автоматами и ножами выходят на охоту за советскими солдатами, чтобы потом, если возьмут кого-то в плен, содрать с них кожу, выколоть глаза, отрезать руки и бросить на пути продвижения интервентов. Гена в чужих горах понял смысл поговорки, засевшей в крови местного населения: если хочешь победить врага, победи себя. Советский солдат её изменил на свой лад. Однажды возвращаясь с задания, позади которого были километры, пройденные в ущелье по переходам высоко в горах, где нечем было дышать, в сапогах с отрезанными носами, несколько дней питаюсь снегом и при этом уничтожив замаскированную, хорошо охраняемую базу врага, Аистов сказал другу:

– Витя, я давно уже пересилил в себе страх. У меня в душе остались лишь честь, достоинство и гордость за себя, но периодически возникают вопросы: почему мы здесь, почему мы убиваем, почему убивают нас?

– Не знаю, оценит ли наш подвиг Родина, но ты прав, мы доказали себе, что мы настоящие советские парни и нас не победить. А здесь мы потому, что защищаем интересы своего государства, ведь мы давали клятву на верность ему. Я себя ещё утешаю тем, что в этой войне, применительно к нам, есть конкретный срок её окончания – это дембель. А до него рукой подать.

– Ты прав. Но до него лично мне надо ещё протопать в дырявых сапогах под пулями «духов» не одну сотню километров. Я сейчас мечтаю поскорее добраться до базы и положить пятки на горячую печку. Её я не променяю даже на еду. А при моей комплекции, поверь мне, есть всегда хочется. Снегом голод не утолишь.

Шедший следом за Сергеевым коренастый парень по имени Коля Вортин, призванный на службу из Витебского района, хмыкнул:

– До дембеля ещё как до Луны. А стреляют каждый день. И возмущает то, что кормят плоховато, нормальных санитарных и бытовых условий нет.

– Ты, Вортин, наверное, с этой самой Луны и свалился, – через плечо бросил Гена, – разуй глаза, мы на войне.

– А за кого мы воюем? Родина в другом месте. И знают ли там, что здесь творится.

– Это не наше дело, – Виктор чуть замедлил ход, – ты осторожней с такими высказываниями. Можно кой-куда и загреметь.

– Там уж точно останешься жив, – Коля ускорил шаг, – но я честно исполняю свой воинский долг. Ко мне претензий нет.

– Но нытьё у нас не приветствуется, – Гена махнул рукой, – прекратим этот разговор.

Дальше до базы бойцы шли молча.

Когда до демобилизации оставалось полгода, закалённые в боях и различных военных операциях, Аистов и Сергеев в глазах молодого пополнения выглядели уже как зрелые мужчины. Гена и Виктор охотно делились своим опытом военных действий, взаимоотношений с местным населением и тем, как в таких условиях не погибнуть по глупости, при этом не уронив чести и достоинства.

В начале августа подразделение, в котором служили друзья из Витебской области, в очередной раз бросили на уничтожение многочисленного отряда моджахедов, засевших высоко в горах. Когда по ущелью добрались до нужного подъёма, солнце уже безжалостно плавало всё живое. Солдатам постоянно хотелось пить. На высоте трёх километров многие почувствовали кислородное голодание. Коля Вортин тоже участвовал в этой операции. До этого он несколько недель провалялся в госпитале, лечась от букета разных заболеваний, связанных с некачественной водой. Не доходя пару километров до цели, Вортин вдруг сел на камень и произнёс:

– Хоть застрелите, дальше идти не могу. Нет сил. Болит живот.

Командир отделения о произошедшем немедленно доложил вышестоящему начальнику. Тот приказал:

– Аистову и Сергееву оказать помощь Вортину для дальнейшего движения вперёд. Небольшое отставание от подразделения разрешается. Старший группы – Аистов.

Рядового Вортина от этого приказа ещё больше скрутило. Гена, глядя на больного, скривил рот и произнёс:

– Если не можешь идти, сам понесу. Сейчас десять минут отдыхаем и вперёд. О возвращении на базу и не думай.

– Ладно, немного отлежусь и пойдём, – Коля прилёг около камня.

Аистов присел возле Вортина и подумал: у этого парня нет друзей, потому что ненадёжный и боец никудышный. Чуть где кольнёт, бежит в санчасть, чаще всего болеет, дольше всех лечится, и вот сейчас надо с ним нянчиться. А в горах во время операции каждый солдат на вес золота. Гена резко встал и резанул рукой.

– Подъём. Наши уже далеко ушли вперёд. Трудно будет догнать.

– От меня помощи мало, – Вортин с трудом встал на ноги, – может, мне лучше вернуться на базу. Я, похоже, недолечился.

– Бой тебя вылечит, – Виктор прислушался к горам, – давай автомат и вещмешок, я понесу.

– Но я и без нагрузки много не пройду.

– Тише! – Сергеев приложил палец ко рту, – севернее нас по склону горы скатился камушек. Чует моя душа, за нами наблюдают.

– Быстро всем за камни, и автоматы наизготовку, – шёпотом приказал Гена и из укрытия стал всматриваться в горы.

Вскоре он заметил мгновенный отблеск бинокля и снова шепнул расположившемуся рядом другу:

– «Духи» хотят, не поднимая шума, взять нас в плен.

– Будем биться до последнего, а потом у нас для них и для себя есть гранаты.

– Умереть мы всегда успеем, надо постараться выжить. Нам надо сменить позиции, чтобы не быть под прицелом и попробовать догнать своих, маневрируя между камнями, уступами.

В это время ниже по склону раздался грохот. Виктор выскочил из укрытия и посмотрел вниз, замерев от неожиданности. Там несколько камней, встречая препятствия, подпрыгивали и неслись в ущелье. Сергеев вернулся к другу и тихо произнёс:

– Коля исчез. Я видел только камни.

– Возможно, Вортин сорвался вниз. Что предпримем?

– Догонять своих.

– Но сначала мы осмотрим склон, если доведётся, то примем бой. Мы не должны Вортина, каким бы он ни был, оставлять в беде.

– Мне кажется, это напрасная трата времени.

– Спор окончен. Вперёд – на поиски, чтобы наша совесть была чиста, – Гена пополз вниз.

Склон горы не был крутым. Друзья, сохраняя бдительность, осмотрели возможные места нахождения Вортина. Но тот бесследно исчез. Аистов принял решение в усиленном темпе без отдыха догнать своё подразделение. К удивлению ребят «духи» на этот раз себя не проявили.

Зато потом с ними был настоящий беспощадный бой. Из-за эха в горах складывалось такое ощущение, что стрелял каждый камень и уступ. Трудно было определить, с каких позиций душманы ведут огонь. Но враг оказался поверженным. Имелись потери и среди советских солдат.

Гена, возвращаясь на базу, думал: в какую-то деревню придёт цинковый гроб, и мать не сможет в последний раз посмотреть на любимого сыночка. И закопают этот гроб в землю, так и не узнав, что осталось от советского солдата, который с честью выполнил долг перед Родиной.

На базе Аистов написал сразу по две пары писем, предназначенных родителям и любимой девушке Лене. Содержание писем было почти одинаковым, что служба проходит по-прежнему нормально в среднеазиатской Республике. Кормят и одевают хорошо. Для девушки Гена добавлял, что любит её и скучает. Под письмами первой пары парень поставил дату августа месяца, а под другой – сентябрь. Адресом отправки всегда служила одна из южных союзных республик. Такой метод успокоения родителей применялся в случае затяжных боевых операций. Неудачливый в них свободный боец отправлял вторую партию писем в назначенный срок.

А боевые операции шли одна за другой. Часто на них выходили ночью. До цели добивались к утру, после чего начиналась ликвидация душманов, засевших или в кишлаках, или в горных лагерях. От умения и тактики зависели жизни советских солдат. Но они гибли. Гибли солдаты и при охране в конвое сопровождения грузов, идущих из Советского Союза, подрываясь на минах, попадая под пули снайперов и в лобовых боях с врагом. Но бойцы советской армии всегда демонстрировали отвагу, героизм, стойкость духа, верность присяге и любовь к своей Родине.

Однажды, за пару месяцев до демобилизации, после возвращения с боевого похода Гена, отогревая ноги на буржуйке, взглянул на друга и буднично сказал:

– У нас с тобой шанс остаться живыми увеличивается в два раза. Угадай, почему?

Сергеев покачал головой.

– Затрудняюсь ответить.

– А потому, друг мой сердечный, что во время боя мы хоть одним глазом, но следим друг за другом.

– В таком случае ты ошибаешься, – Виктор усмехнулся, – у меня шансов выжить больше, чем у тебя. А знаешь, почему?

– Затрудняюсь ответить, – Гена снял ноги с печки и пошевелил пальцами.

– Потому, друг мой сердечный, что ты своей комплекцией полнеба закрываешь, в том числе и меня.

– Возможно, но не будем говорить о смерти, а поговорим о прошлой и о будущей гражданской жизни.

Поговорить друзьям об этом не удалось, поскольку прозвучала команда «строиться». На горы спускалась холодная осенняя ночь. Под прикрытием темноты советские солдаты ушли на очередную операцию по блокировке и уничтожению «духов», выбитых авиационными ударами с горного хребта. Путь был неблизкий. Гена, за спиной которого висел гранатомёт, шёл немного впереди Виктора. Сергеев семенил за другом и, поглядывая на его мощные ноги, вдруг спросил:

– А ты почему новые сапоги, специально сделанные по твоей лапе, не обул?

– Ты, Витя, – Гена оглянулся на друга, – иногда убиваешь меня своей тупостью. А на дембель в чём я пойду?

– А ног тебе своих не жалко? Лучше в поношенных, потёртых сапогах, но со здоровыми ногами.

– Меня не переубедишь. Я перед своей Леной должен предстать во всей красе, с блестящими и, главное, стоячими, а не сморщенными сапогами.

– Для Лены, я думаю, будет главным, чтобы действовало что-то другое.

– В этом она до армии убедилась и всегда следила, чтобы я был педантом и чистюлей во всём.

– Да, друг, извини за правду, тебе не позавидуешь. Надень то, там не сядь, здесь не ступи, носки под стул не брось, ботинки начисти до блеска.

– Не усложняй. Но порядок в семейной жизни лучше, чем бардак.

В это время по строю передали команду «прекратить разговоры», и друзья замолчали. Вскоре подразделение переправилось через небольшой горный ручей, после которого тропа пошла на подъём в горы. На какой-то высоте командир отряда объявил привал. А потом подъём к цели продолжился. На высоте мороз стал сковывать тело. К рассвету бойцы добрались до нужного места и рассредоточились в ожидании противника. Его через некоторое время засекли разведчики. И когда враг себя полностью обозначил, по нему открыли огонь. Начался бой. В какой-то момент со стороны противника ударил пулемёт. Командир махнул рукой Аистову. Гена, находясь в месте, где стрелять из гранатомёта было опасно для жизни, тем не менее выстрелил в сторону вражеской огневой точки. Та замолчала, но и Гена получил контузию ушей от ударной волны пороховых газов, которая отразилась от скалы, расположенной в нескольких метрах за спиной гранатомётчика. Аистов прислонился к камню и похлопал ладонями по ушам. Сергеев подбежал к другу и спросил:

– Оглох?

Тот кивнул головой, и это спасло солдату жизнь. Пуля снайпера чиркнула по камню чуть выше Гениной макушки. Витя сбил друга с ног и, накрыв его своим телом, прошипел:

– Лежи тихо и не шевелись, я этого гада сейчас вычислю.

Сергеев ползком сменил позицию, осмотрелся, прикинул, откуда стрелял враг и, укрываясь за камнями, двинулся в его сторону. В это время снайпер снова выстрелил в какую-то выбранную цель. Виктор ускорил движение, и когда до места расположения «духа» оставалось несколько метров, бросил туда гранату.

Через пару часов отряд душманов был уничтожен. В этом бою из советских солдат пострадало два человека: один был ранен от снайперского выстрела противника, и контузию получил гранатомётчик Гена. Раненому солдату оказали первую необходимую помощь

и на носилках в сопровождении четырёх бойцов отправили на базу. Остальным после боя дали отдохнуть.

Аистов, сидя у камня, с трудом снял сапоги и стал растирать ноги. Увидев это, Сергеев неодобрительно помотал головой и произнёс:

– Почему не сказал, что ты ноги промочил, когда переходили ручей в сапогах без мысов?

– Что? Твой голос идёт из-под земли. Я почти тебя не слышу.

Виктор с досады махнул рукой, снял свои сапоги и отдал другу сухие портянки.

– Давай свои. При быстрой ходьбе они в моих сапогах быстро нагреются. И ты доковыляешь без больших проблем до базы, педант хренов.

– Что?

– Педант есть педант и вдобавок ещё глухомань. На гражданке тебе это тоже выйдет боком, – Виктор обменялся портянками и покрутил пальцем у виска, – теперь можно и помолчать, чтобы успокоить нервы из-за дурня стоеросового.

– Что? Говори громче.

– Ничего, – Виктор махнул рукой и улыбнулся, – будем жить.

Гена тоже улыбнулся и надел сапоги на сухие портянки.

Лишь через неделю у гранатомётчика прорезался слух. Вечером перед отбоем Гена с силой хлопнул друга по плечу, отчего тот даже присел, и сказал:

– Спасибо за заботу о моих ногах и вообще спасибо!

– И тебе спасибо! Кстати, за тот бой нас представили к наградам, – Виктор похлопал ладошкой по груди.

– И это хорошо, друг мой боевой.

– Одно плохо, друг мой на века, что ты свой педантизм ставишь выше жизни.

– Не старайся, не переубедишь. Лена для меня авторитетнее тебя. Извини. И хочу заметить: я осознаю, что, возможно, могу быть убитым, как, например, в последнем бою, но я всегда думаю о жизни, о будущем, где главное место отвожу Лене, семье и тебе, друг.

– Ты, конечно, достал меня своей Леной, извини, но я тоже думаю о жизни, и ты в ней всегда будешь играть роль мудрой колокольни.

– Согласен...

– И я согласен...

Когда Аистову и Сергееву до демобилизации оставался один месяц, в подразделение вдруг вернулся Вортин. Специальные люди его допросили с пристрастием и отпустили. После чего Коля рассказал своим землякам, Гене и Виктору, что с ним произошло.

– Я тогда спрятался за выступ и посмотрел вниз. От этого у меня закружилась голова. На какое-то время потерял сознание. Потом оно вернулось, но я уже катился по крутому склону к подножию горы. Дальнейшие события не помню. Очнулся в каком-то кишлаке в доме пожилой афганки. Она мне оказала первую помощь, перебинтовала окровавленную голову. Память ко мне вернулась, когда я копал колодец и подземный ход для подвода воды к винограднику. За мной присматривали трое подростков с моим же автоматом. Я стал думать о побеге. В один из дней с помощью подземных переходов мне удалось выбраться на поверхность земли за километр от кишлака. Сориентировавшись, спустя некоторое время я добрался до своей базы.

На этот рассказ ребята отреагировали молчанием. Потом Витя спросил:

– Какие планы на будущее?

– Пройду медицинскую комиссию и домой в деревню под Витебск.

– Возможно, на гражданке увидимся. Наш дембель тоже уже не за горами. А мы с тобой из одних мест, – Сергеев отвернулся от возвращенца и посмотрел на Гену, – пойдём, друг, я тебя кое-чем вкусеньким угощу.

– Если это спиртное или травка, то зря стараешься. И тебе советую про эти вещи забыть. На гражданке мы должны во всём быть примером для молодёжи. Мы тут такое пережили, и если после этого станем алкашами и наркоманами, то грош нам цена.

– Я с этим уже почти завязал. У меня есть настоящая еда из офицерского меню.

– От этого не откажусь. Спасибо, друг. Твой поступок я никогда не забуду. И на гражданке мой дом для тебя всегда будет открыт.

– И мой для тебя.

Друзья повернулись спинами к земляку и зашагали по своим делам. Шагов через десять Виктор оглянулся на Колю, а потом тихо произнёс:

– Я знаю про Вортина страшную тайну.

Гена остановился.

– Коль начал, продолжай.

– Там, в горах, он не терял никакую память. Он тогда намотал на автомат портянку, поднял руки вверх и пошёл сдаваться «духам». Я это видел собственными глазами.

– Почему промолчал?

– Тебя тогда оставили старшим. И неизвестно, как бы факт дезертирства земляка отразился на нашей дальнейшей службе. А если быть до конца честным, то я просто был напуган и до крайности удивлён предательством Вортина.

– Мы были на боевом задании, операцию старались держать в тайне. Всё это могло трагически закончиться для нашего подразделения.

– Сейчас я тоже так думаю, а тогда в голову лезли совершенно другие мысли. На гражданке я найду предателя и заставлю его перед нашим сообществом покаяться.

– Без меня этого не делай. Мы вместе призовём подонка к ответу.

А потом был дембель и возвращение домой. Возвращения героев никто, кроме родителей, не заметил. Пришли ребята из армии, ну и пришли. Хотя за плечами этих ребят была кровавая война за интересы Родины со страданиями, болью, гибелью друзей и товарищей, с боязнью оказаться недостойными высокого звания советского солдата, с боязнью оказаться трусом, но и с ощущением того, что победили в себе страх и с честью выполнили поставленную перед ними задачу. Но верхи эту бойню старались побыстрее забыть, породив в душах воинов-интернационалистов такое ощущение, как «афганский синдром», который принёс «афганцам» впоследствии, возможно, больше страданий, чем сама эта война.

В свою деревню Аистов добрался под вечер, за неделю до Нового года. Родителям о дне демобилизации он не сообщил, чтобы раньше времени их не волновать.

На улице было уже темно. Гена тихо открыл калитку и сделал два шага к крыльцу, хрустнул снегом. В это время входная дверь дома открылась, и на пороге появилась мать воина. Женщина замахала руками и крикнула:

– Отец, быстрее выходи, Гена на улице, – Вера перекрестилась, – спасибо тебе, Господи, что вернул сына целым и невредимым. Не зря я сегодня целый день у окна просидела.

– Ты и вчера, и позавчера сидела, – высокий мужчина спустился с крыльца и обнял сына, – с возвращением. Мы сразу догадались, где ты служишь, и каждый день боялись, что к нам привезут тебя в цинковом гробу. Земля слухами полнится. И цинковый гроб мы видели в соседней деревне. И письма твои были, как под копирку.

– Меня такого не так просто было убить. Хотя всякое могло случиться. Ладно, пошли в дом. Буду теперь отогреваться. В чужих горах намёрзся.

– У нас и печка натоплена, и водочка припасена, – мать прижалась к сыну, – и городские угощения имеются.

– А сало есть? – Гена прошёл в дом и, почувствовав тепло от русской печки, потёр руки от удовольствия.

– А как же в деревне без сала? – отец солдата заглянул в чулан и спешно достал там из ящика толстую скибку, – вот, посмотри, какого мы поросёнка нынче откормили к твоему приходу.

– Ого, с мою ладонь, – парень покачал головой, – наверное, кабан килограммов на двести был.

– Точно, – мужчина вопросительно посмотрел на сына.

– Зови, отец, друзей и соседей. Сегодня гуляем всю ночь, а завтра начнём думать о гражданских делах, – воин-интернационалист снял с себя бушлат, тем самым явив удивлённым родителям три боевые награды на своей груди, – хочу сразу заметить, что я уже встретился с Леной. Завтра едем к ней в сваты. Свадьбу решили сыграть в начале февраля, после всех новогодних и церковных праздников.

– Теперь ты – хозяин, тебе и решать, – женщина, сияя от счастья, застелила стол белой скатертью.

Деревенский мужчина потрогал награды воина и, сдерживая слёзы, произнёс:

– Мы гордимся тобой, сынок, теперь и помирать не страшно.

– О смерти забудем, – Гена обнял родителей, – а кто с внуками нянчиться будет?

– Счастье-то какое к нам в дом пришло, – женщина снова перекрестилась и не стала сдерживать слёзы.

Потом, уже в ходе застолья, воин-интернационалист рассказал землякам о войне в чужой стране. Говорил он больше о своих товарищах-героях, о специфике боевых действий в горах, чем о себе. Рассказ простого солдата почти не отличался от выводов, которые после окончания войны в Афганистане сделал легендарный генерал Борис Громов – человек, прошедший всю Афганскую войну, командир знаменитой 40-й армии, руководитель вывода советских войск из Афганистана и создатель ветеранской организации «Боевое братство». Генерал в своих воспоминаниях и в многочисленных интервью говорил о тех, с кем пришлось воевать, и об условиях, с которыми приходилось сталкиваться в период боевых действий: «Это противник серьезный. Исторически афганцы воевали со всеми, кто пришел на их территорию. Это свободолюбивые, гордые, воинственные люди, которые насмерть дрались со всеми захватчиками. Англичане им две войны с треском проиграли. Мы наступили на те же грабли. Ведь начала серьезных боевых действий против наших войск практически не было. Но самого факта присутствия чужой армии на своей земле афганцы вытерпеть не смогли. И – пошло-поехало.

А потом, года через два моей службы там, когда уже наладилась разведка, когда мы стали получать различные данные, стало понятно, что во главе всего сопротивления нам стоят американцы. Сегодня они сами об этом говорят открыто. Американцы готовили боевиков на территории Пакистана, финансировали их и были очень рады тому, что Советский Союз ввязался в войну в Афганистане...

...Ведение боевых действий в горах имеет свои особенности. Вскрыть систему огня и обороны очень трудно. Искусственно устроенные оборонительные сооружения противника сложно отличить от естественного рельефа местности. В таких условиях надо было разгромить противника с наименьшими потерями для себя. Изучив район боевых действий, оценив возможности наших войск, войск Республики Афганистан и противника, мы приняли решение пойти на хитрость. Одним из пунктов коллективно выработанного плана предусматривалось: высадив десант на перевал, вскрыть систему обороны, огнем артиллерии и ударами авиации нанести поражение врагу, подавить огневые точки тяжелого оружия и атакой мотострелковых частей и соединений завершить разгром.

Самолеты военно-транспортной авиации произвели выброску парашютистов в районе перевала Сатэкундав. На них мгновенно обрушился шквал огня. Заработали зенитные пулеметы, орудия. И в этот момент огневые позиции мятежников накрыл точный бомбоштурмовой удар афганской и советской авиации. Затем последовал артиллерийский налет. За считанные

часы была уничтожена вся система огня мятежников. Мы же не потеряли ни одного человека, так как десант был ложный.

Теперь о проблемах, с которыми пришлось столкнуться в Афганистане. Главной из них считаю проблему подготовки личного состава к ведению войны, перестройки сознания людей с мирного на военный лад, их психологической подготовки. Анализируя наши афганские будни, тяжелые бои, постоянно думаю о том, как быстро, когда это необходимо, наши молодые воины, вчерашние учащиеся и студенты, рабочие и колхозники, и даже так называемые «металлисты» и рокеры, в ходе службы проходят подлинную школу патриотизма и интернационализма и осознают реальную необходимость ожесточенной борьбы с врагом. Большая заслуга в этом наших офицерских кадров, политработников, партийных и комсомольских организаций. Любовь к Родине, к своему народу, верность воинскому долгу всегда отличали советского воина. Так было и в годы интервенции, и в годы Великой Отечественной войны, так будет и впредь. Мне кажется, что проявление именно этих качеств является главным, определяющим итогом тех испытаний, которые выпали на долю наших военнослужащих, проходивших службу в Афганистане. Чтобы подтвердить это, я приведу пример героического поведения солдат в бою. Расскажу о подвиге младшего сержанта В. Александрова и рядового А. Мельникова. За него они удостоены звания Героя Советского Союза.

7 января 1988 года по высоте 3234, где располагались позиции десантников под командованием гвардии старших лейтенантов С. Ткачева и В. Гагарина, мятежники открыли массированный огонь из реактивных установок и минометов. Обстрел продолжался 40 минут. Под его прикрытием, одетые в черную униформу, вооруженные группы душманов бросились в атаку, пытаясь обойти высоту с двух сторон. Первыми по врагу открыли огонь пулеметчики – гвардии рядовой А. Мельников и гвардии младший сержант В. Александров. Противник откатился назад. Вскоре началась вторая атака, попытка обхода высоты уже с трех направлений. И опять меткие очереди пулеметчиков отбросили мятежников. Спустя 1 час 10 мин. последовала третья, самая ожесточенная атака. Меняя позиции, воины-десантники в упор расстреливали душманов, вызывая огонь на себя. Когда была отбита третья атака и выдалась небольшая передышка, воины собрались в тесный круг и точно так же, как наши бойцы под Сталинградом, провели короткое собрание. Десантники дали клятву: высоту не сдавать, сражаться до последнего патрона. В этот день было отбито еще шесть атак врага. Вспоминая такие бои, невольно задумываешься, какая сила духа у наших ребят, какая сила воли и преданности военной присяге и боевому приказу!

Множество подвигов совершили наши воины в Афганистане. Порой ценой собственной жизни спасали своих товарищей.

В настоящее время много пишут, рассказывают об Афганистане. Эта тема как бы вышла из-за кулис недозволённости. Однако при чтении статей, просмотре передач становится обидно за наших воинов, и особенно за офицерский состав. Нередко проскальзывает мысль о бездарности и бездушии офицера-командира, узости его кругозора. Если и есть такие случаи, они единичны, и судить по ним обо всем офицерском корпусе нельзя. В адрес командования и политического отдела приходит множество писем от родителей солдат со словами глубокой благодарности за воспитание сыновей. Пишут о своих командирах и бывшие солдаты, просят отметить их в приказах, поощрить. Дружба между офицерами, прапорщиками, солдатами и сержантами, рожденная на афганской земле в сложной опасной обстановке, живет и после возвращения их на Родину. Организуются встречи. Ребята, воевавшие в Афганистане, приезжают друг к другу в гости и в гости к родителям погибших друзей. Так, многие матери, потеряв своих сыновей, приобрели новых в лице их товарищей по оружию. Чтобы не быть голословным, приведу пример преданности солдат командиру.

Израненный Саша Корявин своим телом закрыл от вражеской пули командира. Что побудило его совершить этот поступок, равный подвигу, кем для него был офицер? Думаю, Саша

понимал, что в создавшейся обстановке без командира жертв будет больше, и лучше погибнуть одному, но спасти товарищей. Командир всегда примет верное решение, выполнит боевую задачу и убережёт людей. Эти и только эти чувства владели воином, решившим пожертвовать собой.

Афганистан – страна горная. Здесь нет железных дорог. Почти все необходимое для жизнеобеспечения и боевой деятельности войск доставляется автомобильным транспортом и лишь необходимая часть грузов – авиацией. Доставка производится лишь двумя путями: Термез – Кабул и Кушка – Кандагар. Решено было охранять маршруты так, чтобы не было потерь ни в технике, ни в людях, ни в доставляемых грузах. За десять лет проводки колонн накоплен большой опыт, который, я думаю, будет изучен, обобщен и учтен при подготовке военных специалистов. А вот несение службы на заставах, изучение системы подбора и подготовки людей заслуживает внимания и сейчас. Из всего ограниченного контингента советских войск в Афганистане 30—35 процентов личного состава охраняло коммуникации и режимные зоны, т. е. несло службу на сторожевых заставах. А кто, где и когда, в какой программе боевой подготовки предусматривал обучение этому делу? Задуматься только: батальоны, полки задействованы для ведения этих боевых действий. Полтора-два года люди несут службу на господствующих высотах. На значительном удалении друг от друга, можно сказать, в окружении врага. Какая же должна быть психологическая совместимость у этой группы людей из 7—12 человек, ведь, кроме оборудованного укрытия для отдыха, что строится своими силами из подручного материала, техники и вооружения, больше ничего нет?

Запасы продуктов питания, воды, боеприпасов, дров и угля – все доставляется бойцам на две недели, а порой и на месяц. О чем можно им говорить, чем жить эти долгие дни, недели, месяцы, годы? А люди живут, несут службу, выполняют боевые задачи. Подвергаясь нападениям, обстрелам, дают отпор врагу. Разве это не подвиг, не мужество и отвага, разве это не готовность переносить тяготы и лишения воинской службы? Именно в этой обстановке проявляется чувство коллективизма, завязывается дружба между воинами различных национальностей. В этом я усматриваю яркое проявление силы духа, психической устойчивости.

Группа разведчиков во главе со старшим лейтенантом Онищуком разбила караван с оружием превосходящего по силе противника. Вступила в неравный бой. Когда боеприпасы были на исходе и создалась угроза попасть в плен, старший лейтенант Онищук, младший сержант Исламов и рядовой Мурадов подорвали себя и душманов гранатами. И таких примеров можно привести немало.

Ведение боевых действий в афганских условиях имеет ряд важных особенностей. Горно-пустынный рельеф местности сковывает действия крупных сил. Применение современного оружия и техники затруднено. Боевые машины могут передвигаться только по дорогам, а они зачастую достаточно узкие, дорожное полотно пролегает среди скал, над пропастями. Учитывая это, душманы значительно увеличили применение мин и фугасов. Основную их часть они устанавливали заблаговременно на маршрутах вероятного действия наших и афганских войск. Как показал анализ, в основном минируются труднодоступные участки дорог, подьезды и подходы к водоисточникам, объезды, броды через реки, брошенные кишлаки, подходы к базовым районам и складам. Так, только за 1988 год инженерными войсками обнаружено, обезврежено и уничтожено 4882 противотанковых мины, 3800 противопехотных мин, 1162 фугаса.

Во время проведения операции «Магистраль», «Памир», при проводке колонны в ноябре-декабре 1988 года на Кандагар советские саперы, работая, столкнулись с крайне тяжелой минной обстановкой, обезвредили тысячи мин на дорогах Гардез – Хост, Файзабад – Кундуз, Шинданд – Кандагар. Целые участки дороги в несколько десятков, а порой и сотен метров, подвергались сплошному минированию. Минная война заставляла нас менять тактику действий и структур боевых порядков колонн. Так, в результате многих анализов и экспери-

ментальных проверок была выработана ныне действующая структура отряда обеспечения движения». (Военно-исторический журнал, №3, 1989 г.)

Глава четвёртая

1

Пожилой грузный человек вскарабкался на заснеженную вершину горы и подставил лицо сильному ветру. Мужчине было жарко и душно. Вдруг ледяной вихрь подхватил его и как пушинку понёс вниз. И вот человек уже парит над величественной спокойной рекой, но вода в ней мутная, грязная, с кровавым оттенком. С разных сторон откуда-то снизу к нему тянутся руки и слышатся голоса:

– Останься, ты нужен народу, стране. Без тебя мы пропадём.

Парящий мужчина махал руками, как крыльями, и пытался кричать:

– Я больше не могу, отпустите на отдых, я хочу туда, где в Днепре чистая голубая вода.

Впереди появилось облако с ликом Дмитрия Устинова. Летящий мужчина, тяжело дыша, простонал:

– Дима, почему не прекращаешь войну? Зачем обещал, что она ненадолго. Там ведь гибнут наши дети. Мне стыдно перед народом.

Облако взорвалось. Вместо него появилось другое, с лицом Эдуарда Шеварднадзе. Лицо запело:

«... И если бы Владимир Ильич Ленин мог хоть на минуту взглянуть на нашу жизнь и нашу работу..., он наверняка бы сказал: вы, товарищи, идёте правильным путем!.. И по этому, единственно правильному ленинскому пути нас ведет великий организатор коммунистического строительства товарищ Леонид Ильич Брежнев...» После этой песни зазвучала другая: «Продолжая разговор о личности руководителя, хочу сказать несколько слов о Политбюро ЦК КПСС и о товарище Леониде Ильиче Брежневе. Слово о Генеральном секретаре Центрального Комитета партии – это вовсе не похвальное слово его личности, а сугубо партийный, деловой съездовский разговор. Вопрос этот принципиальный. Стараясь хотя бы в общих чертах передать его политические, интеллектуальные, деловые, человеческие качества, мы хотим тем самым, по крайней мере, как говорят художники, эскизно обрисовать портрет лидера нашей партии и народа, виднейшего политического деятеля современного мира, на примере которого мы должны воспитывать себя и других, которому мы должны во всем следовать, у которого нам необходимо учиться трудиться по-ленински, мыслить по-ленински, жить по-ленински.

...В старину говорили, что чем чище небо, тем выше можно взлететь, тем большую силу обретают крылья. Леонид Ильич Брежнев, его славные соратники и вся наша партия создают это чистое и безоблачное небо над нами, создают атмосферу, когда люди всем своим существом устремляются ввысь, в чистое небо, к прозрачным, светлым вершинам коммунизма».

Небо взорвалось, и руководитель государства проснулся.

Леонид Ильич с трудом поднялся с кровати и позвонил министру обороны Устинову.

– Войну в Афганистане надо заканчивать.

– Как сложатся для этого условия, закончим.

В это время в спальню к Брежневу вошла женщина.

– Леонид Ильич, вам нужно принять лекарство.

– Давай свои таблетки.

Вскоре больной Брежнев почувствовал бодрость в организме и желание что-то делать. Заканчивался 1981 год.

2

В это время Аистов и Сергеев, вернувшись на гражданку, решили не расставаться и устроиться на работу в одну из организаций их родного районного центра. Первые попытки не увенчались успехом. Руководители предприятий, узнав, что ребята прошли «афган», вежливо им отказывали, опасаясь принять на работу людей с нарушенной психикой, которые убивали других людей. Но однажды им повезло. Нашёлся один рискованный директор небольшой организации, который принял ребят водителями и не пожалел об этом. Кроме того, что парни добросовестно работали, так ещё умели хранить тайны, что на них всегда можно было положиться, так как не по годам они были намного взрослее и мудрее остальных.

Как-то в конце лета, вернувшись с поездок по колхозам, в конце рабочего дня Виктор посмотрел снизу вверх в глаза друга и произнёс:

– В выходные поеду в Витебск. Через военкомат нашёл нашего друга Вортина. Пора ему напомнить о себе и о его предательстве.

– Я с тобой.

– У тебя семья, малый ребёнок. Сиди дома. Я сначала узнаю, кем тот стал, и чем дышит.

– Будь по-твоему, но до криминала не опускайся.

– Я посмотрю ему в глаза и попрошу покаяться. То предательство я не намерен ему прощать. За те полгода, что он был в стане врага, сколько наших ребят полегло. Может, он и в нас стрелял.

Но Виктору не суждено было встретить Колю. Тот со слов соседей уехал в Россию без указания адреса. Сергеев махнул рукой, купил бутылку водки в магазине и в этот день напился.

Потом начались будни с весёлыми пятницами и субботами. Гена участвовал в них редко и другу всегда советовал с алкоголем быть осторожным. Витя прислушивался, но от привычки не отказывался. Лишь к сорока годам немного остепенился, а в сорок три женился на витеблянке и переехал в Витебск, где через пару лет в его семье появилась прекрасная малышка Надя. Аистов этому факту обрадовался, решив, что друг с пьянками завязал. Но Гена ошибся. Вскоре Витя снова стал попивать и забывать друга. Они иногда встречались, перезванивались, живя своей жизнью, но у каждого в душе был общий кровавый Афганистан и общая обида на маленьких и больших чиновников, равнодушных к участи воинов-интернационалистов. Была обида из-за войны и на Леонида Ильича Брежнева, несмотря на его несомненные заслуги перед народом. Воины, прошедшие Афган, в первые послевоенные годы почему-то стали чужими и ненужными в советском обществе.

3

Аистов и Сергеев, конечно, не знали, что творилось в то время в душе больного руководителя государства. Брежнев, начав войну в Афганистане с подачи близких соратников по партии, очень переживал из-за этого и рассчитывал закончить кампанию в течение года. Леонид Ильич каждый день терзал себя за поспешное и до конца необдуманное решение. Но из-за болезни он уже не мог руководить государством и аппаратом партии. За него это делали другие лица. Думал Брежнев об этом и 10 ноября 1982 года, лёжа в кровати на своей любимой даче. Он сожалел, что уже не может остановить маховик афганской войны со смертями советских молоденьких безусых воинов. В тот вечер, приняв снотворное, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, Маршал Советского Союза, Герой Социалистического Труда, четырежды Герой Советского Союза успел улететь в мыслях и в своё детство, где он был счастлив, купаясь в голубой воде Днепра и мечтая о прекрасном будущем без войн и кровопролитий, о счастье рабочего класса и всего народа. Засыпая, он подумал: народ не должен на него обижаться, вот, только Афганистан, возможно, ему никто не простит. Но потомки обязательно в этом разберутся и поймут, – всё, что он ни делал, – делал во благо советского человека и он лично, как гражданин и как руководитель государства,

всегда был против любой войны, в том числе и афганской. Леонид Ильич провалился в глубокий сон, из которого улетел в вечность.

Лишь через семь лет три месяца и пять дней в соответствии с заключёнными 14 апреля 1988 года Женевскими соглашениями о политическом урегулировании положения вокруг ДРА Советский Союз 15 февраля 1989 года вывел свой контингент из Афганистана. Одним из последних, кто покинул эту страну по Мосту Дружбы, был генерал Борис Громов.

Накануне 30-летия вывода войск СССР из Афганистана, давая интервью журналисту агентства Sputnik Александру Хроленко, Борис Громов говорил: «Со временем, когда объехал, пролетел и узнал весь Афганистан, для себя понял: советский проект в этой стране осуществить невозможно, Москва приняла недостаточно проработанное решение о вводе войск – без полного учета объективной обстановки и рекомендаций специалистов. Кстати, Министерство обороны всегда выступало категорически против ввода войск»... «Перед выводом встречались лично со многими лидерами «моджахедов». Так, мы с Валентином Ивановичем Варенниковым (представитель Генштаба ВС СССР) провели переговоры с Ахмад Шахом Масудом. В качестве командующего войсками 40-й армии и официального представителя Правительства СССР по Афганистану я разослал лидерам «моджахедов» письма с предупреждением: мы не скрываем сроки и маршруты вывода, но будем жестко пресекать противодействие на любом участке. Вывод прошел практически без потерь.

Тяжелее было с другой стороны – препятствия советским войскам создавал министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе. И это право ему делегировал генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев (который стал президентом СССР в марте 1990). Шеварднадзе несколько раз приезжал в Афганистан, встречался с командованием 40-й армии и почти что ставил нам задачи как член Политбюро ЦК КПСС. Он считал неприемлемым вывод войск в определенные Женевским соглашением сроки и настаивал на необходимости оставить в Афганистане 30-тысячный контингент советских войск (вдоль дороги Кабул-Термез), якобы для поддержки Демократической Республики Афганистан и правительственной армии.

Нарушить Женевское соглашение мы не могли, хотя американцы и Шеварднадзе добились именно срыва. Разногласия рассматривали в Политбюро ЦК КПСС. И все же Москва дала войскам команду «стоп». Как на иголках ждали мы окончательного решения и начали выходить из Кабула за месяц до контрольной даты (15 февраля), когда уже стали возникать проблемы тылового обеспечения, ведь запасы рассчитывали до октября.

За короткое время огромное количество военнослужащих и тысячи единиц боевой техники преодолели зимний перевал Саланг на высоте 3500 метров под прицелом «духов», которые сидели в ста метрах справа и слева от дороги. Это было очень тяжело. И когда оставалось преодолеть перевал двум замыкающим колоннам, нас все же подставили – меня и Валентина Ивановича Варенникова. С подачи господина Шеварднадзе из Москвы пришел приказ: нанести мощный удар по позициям Масуда. Очевидный расчет на обострение ценой огромных потерь оставшихся войск. Мы выступили категорически против, звонили в Москву, переходили все допустимые рамки субординации, но Горбачев лично утвердил задачу и в телефонном разговоре с генералом Варенниковым заявил: слушайте и выполняйте указания из Москвы»...

Удар нанесли по объектам и координатам, которые дала Москва (предварительно Горбачев потребовал у Министерства обороны список целей). Действовала даже Дальняя авиация с территории СССР. «Моджахеды» понесли потери. И все-таки Ахмад Шах Масуд не ответил на чувствительный удар советских войск вдоль дороги на Саланг и в глубину территории. Не могу говорить о том, в чем командование 40-й армии не участвовало, но Масуда предупредили, и он отвел основные силы с позиций».

Говоря о роли Министра иностранных дел в афганской войне, генерал Громов отметил: «Шеварднадзе делал все, чтобы усложнить вывод войск из Афганистана. А позднее, в каче-

стве грузинского президента, делал все под диктовку США и НАТО (тому есть немало свидетельств). Москву, где он был членом Политбюро ЦК КПСС, уже не признавал.

После Афганистана доводилось еще дважды встречаться с Эдуардом Шеварднадзе в Тбилиси в 1990-е. У меня сложилось впечатление, что он неискренний человек, склонный обманывать и не выполнять обещаний. Человек с двойным дном.

Нельзя говорить плохо о тех, кто ушел из жизни, но это на самом деле так, и Бог меня простит».

В другом интервью легендарный генерал с обидой в душе сказал о реакции Политбюро, ЦК КПСС на вывод войск из Афганистана: «Ну, хотя бы звонок был бы перед выводом или сразу после. Скажем, от генсекретаря ЦК КПСС... Это все-таки событие в жизни страны – армия не сама пошла в Афганистан, вы же ее туда направили. А потом словно забыли. Вот только с приходом Путина – я говорю это не потому, что он сейчас президент, а я вообще такие вещи говорю искренне, – начало меняться в лучшую сторону. Вспомнили, что есть 40-я армия, Путин всегда приходил и поздравлял нас 15 февраля. Изменилось отношение и ко всем, кто воевал там».

Аистов и Сергеев, конечно, следили по мере возможности за ходом событий в Афганистане, за выводом советских войск из этой страны, черпая информацию из различных источников, в том числе и из рассказов воинов-интернационалистов при личных встречах с ними. Но тонкости политической составляющей афганских событий друзьям, конечно, не были известны. Возможно, воины-интернационалисты и не хотели в это вникать, потому что для них было главным, что они с честью и достоинством выполнили свой долг перед страной и народом, радовались и гордились этим. Они знали и о словах, сказанных о таких, как они, генералом Грозовым: «Многие военнослужащие, в основном это были солдаты, ребята 18—20 лет, проявили в Афганистане высочайшее мужество, благородство, завидную крепость духа. Более 200.000 человек были награждены орденами и медалями, 72 стали Героями Советского Союза».

Глава пятая

1

За три года до начала афганской войны в семье офицера-пограничника родилась девочка. Родители, любуясь своим прекрасным творением, получили ни с чем не сравнимую радость в жизни и дополнительный заряд энергии для достижения своих целей. Их ребёнок своими большими глазами тоже любовался окружающим его цветным миром и улыбался этим двум счастливым добрым людям. Поэтому и назвали девочку Любавой. И потекла жизнь Любавы легко, без страха за завтрашний день. Однако по мере продвижения своих лет девочка все же узнавала, что на ее пути встречаются и холодные зимы, и злые люди, и то, чтобы сорвать самое спелое яблоко как плод своих достижений, надо прилагать к этому большие усилия. Со временем взросления к ней приходило осознание того, что в жизни есть много радостей, среди которых существует настоящая дружба, увлечения, путешествия и общение с интересными людьми. Узнавала Любава и историю своей Родины – о том, что советским людям пришлось испытать самое страшное явление на земле, – фашизм. Фашисты пытались поработить и уничтожить её страну. Но благодаря стойкости, героизму и патриотизму советский народ отстоял свою свободу и освободил многие народы от коричневой чумы. В борьбу со злодеями внесли достойный вклад и её предки. Так, дед её мамы, красноармеец, служивший в артиллерийском полку, в 1943 году погиб под Смоленском, и похоронен сейчас в городе Гагарине в братской могиле. Дед Любавы, старшина Василий Г., воевал на 1-м Прибалтийском фронте, куда был призван в 1943 году уже в зрелом возрасте из Сибири, дошёл до Кёнигсберга, где был ранен, отправлен в Свердловский госпиталь, после чего вернулся на родину в Беларусь трудиться в сельскохозяйственной отрасли. За отличия в боях он был награждён медалями «За взятие Кёнигсберга», «За отвагу» и потом, после войны, орденом «Отечественной войны». Брат деда, Иван, – майор ветеринарно-медицинской службы, служивший в эвакуационно-ветеринарном лазарете, награждён орденом «Красной звезды». Племянник деда Геннадий – майор авиации. Во время войны служил в авиационном полку Одесского военного округа, оборонял нашу столицу Москву, за что был награждён орденом «Красной звезды», а его младший брат Серафим, во время войны лейтенант, воевал в составе 1-го Украинского фронта, где за свои боевые подвиги был награждён медалью «За оборону Ленинграда», орденами «Красной звезды» и «Отечественной войны» 1 и 2 степеней. Все они призывались на борьбу с вероломным врагом из родного Витебска.

Потом Любава осознала, что в обществе, которое её окружает, наряду с добродетелями существуют страшные пороки человечества: гордыня, сластолюбие, блуд, обжорство, зависть, гнев, лень и уныние. В это же время девушка поняла, что в земной жизни есть необыкновенное явление под названием любовь, возникающее между мужчиной и женщиной и призванное служить продолжению рода человеческого и получению наивысшего наслаждения. Любава также понимала: чтобы ощутить в полной мере удовлетворение от жизни, надо иметь в ней главную цель и обязательно её достигать. Поэтому она, искренне желая познать прекрасное чувство любовь в полной мере, скорее внушила его себе по отношению к человеку, к которому испытывала на самом деле лишь симпатию и влечение. И это было первой и основной ошибкой в жизни девушки.

Всё началось с того, что они выделили друг друга в школьной и уличной толпе сверстников. Высокий, стройный, с приятной внешностью парень по имени Коля сразу же влюбился в статную, красивую девушку до помутнения разума и каждый раз при виде её одновременно светился от счастья, и в то же время испытывал негодование оттого, что она может достаться другому. Надо сказать, что у Любавы было много поклонников среди сверстников и молодых

людей постарше. Поэтому у влюблённого зародилась главная цель в жизни: во что бы то ни стало добиться от Любавы взаимности. Коля настойчиво, даже с определённой навязчивостью стал ухаживать за девушкой, попутно отгораживая её от друзей и поклонников мужского пола, желая во всём угодить, внушая свою исключительную надёжность и преданность, из-за чего Любава и выделила его. Но сердце и душа её при этом по-прежнему тянулись к другому человеку, Дмитрию. Тот был постарше её, опытнее и мудрее, да ко всему прочему являлся ещё и братом Коли. Дима, в отличие от него, не демонстрировал девушке бурных эмоций и страстей, а очень бережно и нежно относился к ней. При их общении всегда присутствовала какая-то недосказанность, что касалось проявления взаимных симпатий друг к другу. Как-то в один из хмурых осенних дней при очередной встрече в парке молодой человек сказал ей:

– Чтобы познать в жизни счастье, получить от жизни многие удовольствия, девушке надо стать независимой от мужчин. А для этого следует получить хорошее образование, работу и наполнить себя мечтами и целями. Для меня такие женщины предпочтительнее, потому что именно они восхищают меня и делают равными со мной. На такое прекрасное, сильное, самодостаточное творение природы я никогда даже не повышу голоса. В таких отношениях будут присутствовать восхищение и любовь как составляющие семейного счастья.

– Но женщине часто хочется быть под защитой мужчин, чтобы почувствовать себя слабеньким, хрупким цветком, за которым требуется трепетный уход, – Любава слегка прижалась к Диме, – таких сильных и мудрых, как ты.

– Увы, это женские заблуждения, которые в семейной жизни часто приводят к несбывшимся мечтам, к разводам и даже трагедиям, – парень нежно провёл рукой по мягким русым волосам девушки, – ты для меня будешь самым прекрасным цветком в жизни, и я всегда подставлю в случае твоих затруднений своё плечо. Но твой стебелёк с корнями сам должен укрепляться и развиваться в нашей сложной жизни, чтобы распустившийся бутон этого цветка радовал всех вокруг. С мужчинами могут происходить разные случаи, и женщины могут остаться одни. И те, кто постоянно находится под опекой своей сильной половины, попадают в трудное положение. Кроме этого, я хочу приоткрыть тебе глаза на тот факт, что среди мужских особей есть такие, которые слабых женщин превращают в своих рабынь.

– Как ты относишься к поведению своего брата? – неожиданно резко спросила Любава, чтобы перевести разговор, – с некоторых пор он при виде меня то бледнеет, то краснеет и готов оградить от всего мира высоким забором.

– Шустрый малый. Он намного моложе меня, считай, твой ровесник. Брат часто взахлёб рассказывает о тебе и хвастается определёнными успехами, связанными с твоим вниманием к нему. В данном деле я не могу что-либо советовать, душа и сердце должны самостоятельно помочь тебе принять правильное решение. А о моих чувствах к тебе ты сама должна догадываться, – тут Дима резко замолчал и задумался.

– Я догадываюсь, но почему я должна догадываться, а не узнавать об этих чувствах прямо от тебя?

– Я значительно старше тебя, но есть и другие причины, например, мой брат, который..., но не будем сегодня об этом.

– Завтра может быть поздно, – Любава устремила на парня взгляд своих больших глаз.

– Любить никогда не поздно, но я не могу..., я боюсь..., – Дима с печальными глазами покачал головой.

– Но ты же говорил, что в моменты затруднений подставишь своё плечо, – Любава сказала это с явно выраженным раздражением в голосе.

– В любовных делах лишь душа, сердце и разум являются той силой, на которую надо опираться, – Дима опустил голову.

– Я чувствую, что вокруг нас, а точнее за моей спиной творится что-то зловещее и насто-раживающее, поэтому уже начинаю опасаться за своё будущее.

– Я всегда буду рядом с тобой. Стань независимой и станешь хозяйкой своей судьбы, – парень взял девушку за руку.

– Я в растерянности от твоих слов, но прислушаюсь к этому совету. Предлагаю на этом наше свидание сегодня закончить и разбежаться по домам для обдумывания и принятия судьбоносных решений.

В течение следующих нескольких дней Любава удивлялась молчанию и бездействию и Коли, и Дмитрия. Оба не попадались ей на глаза, не звонили и вообще не подавали признаков жизни. Но потом желание с ней встретиться первым изъясил Коля. Девушка, собираясь, слегка подкрасила губы, надела чёрный плащ, набросила на голову серую косынку и пошла на встречу в ближайший парк. Там, под поблекшим безлистным тополем на аллее возле лавочки она увидела одного из претендентов на её руку и сердце в застывшей позе. Любава подошла к Коле и спросила:

– Ты живой?

Вместо ответа на вопрос парень произнёс:

– Я знаю, что ты встречалась с моим братом, и сразу хочу прояснить ситуацию по поводу его отношения к тебе: он не любит слабых женщин, а тебя считает таковой. Брат – рационалистический зануда и карьерист. На днях он уезжает очень далеко по своим важным делам. Для него зов души и сердца ничего не значат, при этом характеру даже присущи нотки деспотизма. Тебе с твоей ранимой душой будет с ним очень трудно, почти невозможно.

Любава удивлённо качнула головой.

– У меня о Диме сложилось иное, противоположное мнение. Но разговора о совместной жизни у нас пока не было. А что ещё интересного ты расскажешь о своём брате?

– Давай продолжим разговор в ближайшем кафе.

– Не возражаю, но только без спиртного.

– Хорошо.

Вскоре, сидя за столиком в уютном помещении, поглощая пирожное и запивая его яблочным соком, молодые люди продолжили разговор, при котором Коля всё время пытался развеселить её, рассказывая разные забавные истории из их с братом жизни. Любава, находясь в нервном напряжении, пыталась улыбаться.

– Что ты ещё добавишь к характеристике Димы?

– Скажу лишь одно: он тебя недостоин, – Коля взмахнул при этом рукой, – но давай не будем больше говорить о нём, я не хочу влиять на твой выбор. Ты знаешь, как я тебя люблю, и в таком состоянии могу наговорить на хорошего человека всё, что угодно. Дима – мой брат, и я стараюсь нормально принимать его принципы и взгляды на жизнь, хотя не все они мне нравятся. А у меня в голове и в душе лишь любовь к тебе и желание постоянно находиться рядом, быть для тебя защитником и достойным мужем, – парень погладил девушку руку, – Любава, давай поженимся. Если ты согласишься, я стану самым счастливым человеком на земле. Своё счастье и душу в придачу я полностью отдам тебе. И мы оба в счастье будем строить своё семейное гнездо.

Тут вместо напряжения Любаву охватило волнение. Девушка, пытаясь его скрыть, улыбнулась и произнесла:

– В таких судьбоносных случаях обычно просят время на обдумывание ответа. Надеюсь, за несколько дней ты не умрёшь от его ожидания?

– До завтра я постараюсь дотянуть, – Коля вздохнул с облегчением, – но после не гарантирую сохранение здравого рассудка и адекватного поведения.

– Ого, с тобой опасно связываться, – Любава нарочито расширила свои огромные глаза.

– Спешу успокоить тебя, – Коля испуганно закачал головой, – мои безумные действия никак не коснутся тебя. Если ты скажешь «нет», я по-прежнему буду любить только тебя и мечтать о нашем счастье.

– Хорошо, давай встретимся через несколько дней в это же время в этом месте.

Любава рассталась с парнем в растерянном состоянии. Прежде всего её удивили слова, сказанные Колей о своём брате, удивило молчание и равнодушие Димы в такой ответственный момент их отношений, когда между ними, как ей казалось, зарождалась настоящая любовь. «Всё это странно», – подумала девушка, поздоровавшись с двумя женщинами, сидящими на лавочке возле подъезда, где проживала у двоюродной сестры. Любава на удивлённый взгляд при встрече с ней «стражей дворового порядка» мило улыбнулась и подумала: двоюродная сестра Таня, с которой они были похожи, очевидно, только что вернулась домой. Жильцы дома, расположенного на Московском проспекте, постоянно их путают и не догадываются, что существует два совершенно разных человека. Сходством сестёр часто пользуется муж Тани, работник торговли, которого достают своими наглыми просьбами опохмелиться местные пьяницы. Очередному жаждущему вместо находящейся на работе жены он часто демонстрировал её в качестве строгого, грозного оружия, после чего «забуддон» с извиняющимися поклонами уходил.

Любава, оказавшись в своей комнате, продолжила анализировать создавшееся положение, чтобы принять одно из главных решений в жизни: Колю она знает с юношеских лет. Никаких странностей в поведении и плохих поступков за ним не наблюдалось. В это же время появился умный, солидный Дима, как эталон настоящего мужчины. И почти одновременно возникла фанатичная любовь к ней Коли, в связи с чем она впервые подумала, что парня с такой любовью, наверное, не стоит терять и, может быть, закрыть глаза на некоторые издержки возникших между ними отношений (например, требование Коли прекратить общаться с парнями-поклонниками она восприняла как естественное проявление его задетых чувств). В пользу Коли надо отнести и ставший ей известным факт, что именно из-за неё он перевёлся из Рязанского военного воздушно-десантного училища в белорусское учебное заведение МВД на заочное отделение, пойдя служить в местную милицию. Такой поступок парня о многом говорит. Завтра, наверное, она скажет ему «да». Но если сегодня отзовётся Дима, то...

Дима так и не отозвался. Вместо этого вечером ей на домашний телефон позвонил близкий друг Коли и проговорил:

– Я заинтересован в вашем с Колей счастье, а поэтому хочу просто, чтобы ты не мучалась, а узнала, как Дима относится к тебе. Как-то раз он сам в разговоре с парнями, где присутствовал и я, сказал, что ты готова выскочить за него замуж по первому зову, только пальцем помани, поскольку ты слабая женщина.

После такого сообщения кровь хлынула в голову Любавы, а разум закричал «да! да! да!» в пользу Коли. Девушка в этот момент не обратила внимания на щемящие сигналы души и сердца, которые давали понять, что они не в восторге от выбора своей хозяйки. Разум под влиянием главного инстинкта продолжения человеческого рода победил, стуча в виски: «стерпится-слубится, ведь ты уже готова к статусу замужней женщины».

И уже на следующий день Любава сказала «да» застывшему в напряжении Коле.

А потом Любава надела свадебное платье и, получив в ЗАГСе фамилию мужа Шугалевич, сначала в городском ресторане «Журавинка», а на следующий день на деревенских просторах прошёл традиционный обряд, когда гости больше инстинктивно, нежели осознанно, кричали молодым «горько», после чего пили спиртное и переходили на обсуждение своих проблем. Любава, наблюдая за присутствующими, не обижалась на них, а, напротив, радовалась, что друзьям и родственникам представилась возможность пообщаться за праздничным столом. Вскоре после свадьбы начались будни с прозрением о случившемся. Любава ощутила двойное чувство: с одной стороны, она стала замужней женщиной, повысив свой статус в обществе и выполнив первую часть обязательств перед природой и Богом, но с другой стороны она осознала, что вышла замуж за нелюбимого человека, который, напротив, любил её до бес-

памятства. Такая любовь привела и к неконтролируемой ревности. Любава чувствовала себя не хозяйкой, а скорее, вещь в руках мужчины, готового надеть на неё паранджу и заковать цепями. Из-за ревности мужа Любава опасалась даже о делах говорить с мужчинами, а тем более улыбаться им. Пришлось ей забыть на некоторое время и друзей. Не испытывала она особого удовольствия и удовлетворения от интимной жизни с мужем. Душа и сердце девушки как-то замерли и затаились. В голове всё чаще стали возникать вопросы: неужели в её жизни такое скучное серое будущее, неужели она и вправду становится рабыней мужа в сложившихся обстоятельствах? Поэтому девушка, помня слова Димы, с усердием училась в педагогическом университете, чтобы быть независимой в жизни.

Так, в терзаниях, сомнениях пролетело два года семейной жизни, после чего Любава решила родить ребёнка, рассчитывая, что муж изменится к лучшему. Но Коля, хоть и рад был рождению девочки, своим поведением и высказываниями все чаще давал поводы для беспокойства, огорчений и обид, беспощадно растворяя в её душе остатки добрых чувств к нему. Любава вскоре вспомнила мудрое народное изречение: если где-то что-то убьют, значит в другом месте должно прибыть. Так, наверное, и во многих жизненных сферах: если чего-то недостаёт, значит откуда-то, с неожиданной стороны, оно может к тебе прийти – закон баланса. Девушка, опираясь на этот закон и считая, что наступающие проблемы в семейной жизни, видимо, происходят, в том числе, и по причине каких-то её ошибок или необдуманных решений, старалась во всём разобраться, чтобы изменить ситуацию к лучшему. Любава принимает решение не заикливаться на проблемах и помимо повседневных дел вернуться к одному из своих любимых в прошлом занятий – современным танцам, тем более, что друзья юности, которые периодически собирались на так называемые «тусовки», давно звали хотя бы изредка к ним присоединяться. Муж Коля, конечно же, не приветствовал данное мероприятие, но так как у него были свои увлечения, которым Любава не препятствовала, хотя и не всегда одобряла, вынужден был с этим, хоть и с небольшим энтузиазмом, согласиться, при этом покрутив пальцем у виска. Любава воспряла духом. Она почувствовала, что к ней стала понемногу возвращаться былая уверенность в себе и даже стала испытывать некоторую иную радость от жизни. Но однажды, посетив такую вечеринку, Коля стал периодически заезжать за женой, делая это скорее не по причине большой заботы, а чтобы держать «руку на пульсе», поскольку каждый раз выражал своё недовольство бесполезностью такого времяпрепровождения. Других причин для придинок не было, так как накануне примерная жена старалась как можно больше переделывать разных бытовых дел на пользу семье.

Несмотря на кажущееся сотрудничество и достигнутый консенсус в отношениях, Коля накапливал чёрную энергию ревности. Однажды мелкие ежедневные стычки вылились в первый настоящий семейный скандал. Коля, придя с работы, прямо с порога рывкнул:

– Ты где была столько времени? Мне доложили, что сегодня тебя видели довольно далеко от твоей работы с мужчиной, возможно, одним из твоих танцоров. Я чуть со стыда не сгорел, почувствовав «рога» на голове. Настало время к тебе приставлять евнуха.

Побледневшая Любава вышла из кухни и сразу не нашлась, что сказать. Коля продолжил:

– Молчишь? Нечего сказать в оправдание?

– Ты, видимо, не в духе сегодня, а может, и вовсе пьян? Сначала проспись, а я потом решу, что тебе ответить, и то только в том случае, если прошу тебе такое оскорбление и унижение.

– Если ты сейчас же поклянёшься мне своими родителями, что у тебя нет любовника, то я забуду о сегодняшнем разговоре, – Коля сжал кулаки.

– У тебя от алкоголя и патологической ревности уже голову снесло. Ты не соображаешь, что говоришь женщине, которая является тебе женой и матерью твоего ребенка.

– С таким поведением ты скоро можешь стать разведённой.

– Чем ты меня пугаешь? Это ты можешь остаться один и свалиться под забором, если будешь продолжать в том же духе, – на глазах Любавы появились слёзы, – но повторяю, что

продолжу с тобой разговор, когда ты протрезвеешь, и предъявлю дополнительное условие: ты должен мне назвать своего осведомителя, чтобы я лично у него спросила, где и когда он меня видел с женщиной. С момента замужества я вообще с мужчинами не остаюсь наедине даже для простого делового разговора. Ты считаешь это нормальным явлением?

– В любом случае я жду от тебя клятвы в верности, – Коля прошёл на кухню и достал из холодильника бутылку пива, – я должен быть уверен, что ты мне не изменяешь. Иначе может разыгаться трагедия.

– Что случилось? Ты таким не был, – Любава встала в проёме кухонной двери, – и поводов для ревности я тебе никогда не давала. Ты эти поводы сам выдумываешь. Тебе надо, очевидно, обратиться к специалистам. А я ведь собиралась от тебя родить второго ребёнка, но теперь этот процесс придётся отложить. Задумайся: чем быстрее ты станешь настоящим мужчиной и моим спутником с отношениями, построенными на доверии, уважении и любви, тем быстрее я забуду этот кошмарный разговор.

Коля, отхлебнув из бутылки пива и махнув рукой, зашёл в ванную комнату и оттуда сквозь зубы процедил:

– Я всё сказал. Не ходи по краю пропасти. И я уже не верю в то, что был у тебя первым.

Любава скрылась в спальне, легла на кровать и заплакала. Когда слёзы просохли, молодая девушка тяжело вздохнула и подумала: не такого мужчину она хотела видеть рядом с собой на ложе любви и на совместном жизненном пути к счастью и терпеть оскорбления от мужа она тоже не собирает. Самый лучший выход из сложившейся ситуации – собрать вещи и пожить отдельно. У неё есть любимая, хоть и напряжённая, работа, при помощи которой можно забыть о проблемах, а свободное время она постарается наполнить интересными делами, которые не дадут ей заикнуться на тягостных мыслях.

Уход был болезненным и не обошелся без скандала: Коля никак не мог поверить в решимость жены. А Любава решила и ушла к своей двоюродной сестре, с которой была очень дружна, попросив разрешения пожить, пока не решит проблемные вопросы, на что сестра с мужем адекватно отреагировали, предоставив такую возможность на неограниченное время. Любава попросила их по возможности не посвящать об изменениях в её жизни других родственников, так как хотела цивилизованно и окончательно во всём разобраться и расставить по местам.

В этот период у Шугалевич произошли некоторые изменения и в профессиональной деятельности: работая учителем в одной из городских школ, у неё появились новые обязанности и дела. При этом Любава не могла в самых общих чертах не посвятить в личные проблемы своего руководителя – Анну Петровну – мудрую и порядочную женщину с большим жизненным опытом и здравым взглядом на жизнь, – на что та оказала соответствующую моральную поддержку и предложила отвлечься благодаря, в том числе, внезапно «свалившемуся» на них новому делу, связанному с внедрением профильного образования в старших классах в сотрудничестве с ВУЗами города. Любава начала упорно отказываться, объясняя свою позицию тем, что всё это не связано непосредственно с её основной работой, что она не является большим специалистом в естественных науках (а ей предстояло сотрудничать в представительстве медицинского института, создавая совместные комплексные программы и учебные планы по химико-биологическому профилю предметов) и боится подвести руководителя. В итоге коллеги договорились на том, что Шугалевич выполнит один из этапов, так как там нужны были в большей степени дипломатические качества и общепедагогические знания, а дальше будет видно. Руководитель заочно представила Любаве «группу товарищей» из института, дав краткую характеристику каждому из трёх человек (среди них была одна женщина и двое мужчин), с которой ей предстояло сотрудничать в институте, снабдив необходимыми контактными телефонами.

Любава довольно долго оттягивала свой первый визит в институт с указанным поручением. С ней стали твориться непонятные вещи: то внезапно начиналась какая-то «ломка», то накатывали воспоминания о беспечной юности, в которой присутствовали друзья из указанного ВУЗа, то её внезапно охватывало загадочное волнение. Причины этих явлений девушка тогда объяснить не могла. Но наконец в один из субботних дней она собралась с мыслями и заехала в место назначения. Встретившись там с человеком по имени Зенон Мартынович, с которым ей непосредственно предстояло взаимодействовать, Любава кратко оговорила сроки и условия выполнения ею своей части задания и гордо удалилась, поскольку указанный мужчина хоть и обладал симпатичной внешностью, но участнице проекта не понравился, прежде всего, высокомерно-амбициозной манерой общения, оценивающим взглядом, который он и не стремился скрывать. Это было свидетельством того, что Зенону Мартыновичу Любава тоже с первого взгляда не приглянулась, точнее приглянулась, но с противоположным эффектом. Надо заметить, что по слухам указанный мужчина еще и являлся фаворитом великовозрастной начальницы молодой учительницы.

В понедельник Шугалевич предстала с докладом перед Анной Петровной. Женщина осмотрела свою подопечную с ног до головы, прищуривая то один глаз, то другой, и спросила:

– Как прошла встреча в институте?

– Если честно, – Любава скривила губки, – не в восторге от одного субъекта.

– А что так? Я знаю, о ком идёт речь? – Анна Петровна усмехнулась и покивала головой.

– Слишком самоуверенный в своей неотразимости и заносчивый тип, – Любава тоже покивала головой.

– Я догадываюсь, о ком ты. Он мне, кстати, тоже звонил и задал странный вопрос: «Аня, кого ты мне прислала? Что у тебя там работают девушки из кабаре?», – женщина усмехнулась, – после чего мне долго пришлось этому субъекту рассказывать о твоих деловых и душевных качествах. В итоге он произнёс: «Ладно, посмотрим». В свою очередь мне хотелось бы узнать, к чему Зенон вернул это слово «кабаре». Я у него об этом не расспросила.

– Теперь мне стало понятно, почему я произвела на этого Зенона «неизгладимое» впечатление, – Любава усмехнулась, – дело в том, что я на встречу в институт прибыла прямо с танцев в сапогах-ботфортах, в обтягивающей кожаной юбке и с вызывающим макияжем.

– Теперь мне понятна реакция Зенона, – Анна Петровна чему-то ухмыльнулась в задумчивости, потом улыбнулась и продолжила, – надеюсь, на следующую встречу ты явишься в обличье обыкновенной белорусской учительницы.

Шугалевич, выполнив свою часть работы, которую следовало отнести в институт для объединения с общей концепцией программы, откладывала свой визит на последний момент, и пошла только перед тем, когда Зенон должен был уехать недели на две в столицу по делам, тянуть было дальше некуда. Вторая встреча с Зеноном тоже не обошлась без курьёзов. На этот раз Любава была одета и причёсана в обычном и привычном ей деловом стиле, как и следовало на работе, практически без макияжа, разительно отличаясь от своего предыдущего «образа». Встретив Зенона Мартыновича, стремительно идущего по коридору третьего этажа главного корпуса института, молодая учительница по ходу поздоровалась с ним, следуя в кабинет, где размещалась остальная команда, на что мужчина дежурно ответил, а затем что-то сообразив, отойдя на значительное расстояние, едва не чертыхнувшись и чуть не свернув себе шею, резко повернулся и удивлённо посмотрел вслед Любаве, которая подумала: он к тому же ещё и придурок. Оказавшись через некоторое время в кабинете на кафедре с другими участниками команды Шугалевич решила: слава Богу хоть с этими повезло. Но тут любопытство Зенона взяло верх. Он вскоре тоже присоединился к прочим и во время разговора как-то странно стал посматривать на Любаву. Взгляд мужчины уже не сквозил надменностью. В нём, напротив, появились искорки уважения и любопытства и даже каких-то тайных мыслей.

Встреча закончилась обменом проектами для дальнейшего изучения и договорённостью встретиться в следующий раз через две недели, после возвращения Зенона из командировки.

Такая встреча по прошествии времени состоялась. На ней Любава не знала куда деть себя от взглядов мужчины, о котором можно было сказать, что за две недели разлуки тот чуть не умер от тоски. Молодая учительница после этого мероприятия впервые за прошедшее время задумалась о своей личной жизни и о месте мужчин в ней.

В это же время Анна Петровна, поблагодарив всех за хороший результат, маялась мыслью о том, кто же из институтских преподавателей будет реализовывать программу в школе на практике уже в следующем учебном году в качестве преподавателя спецкурса. Директор очень хотела, чтобы это был Зенон Мартынович, видя в нём определённый потенциал, но тот хотя и не высказывал категоричного отказа, с ответом не торопился. Таким образом, прошло около четырёх месяцев, в течение которых общение между Любавой и Зеноном переросло в разряд коллегиально-приятельских. Поэтому Анна Петровна попросила свою подопечную попробовать уговорить Зенона, тем более, что та неоднократно по просьбе руководителя, находясь в институте, «невольно» поприсутствовала на его занятиях со студентами и отметила довольно выдержанную, разумную и в то же время демократичную форму общения. Любава также узнала, что Зенон был одним из их любимых преподавателей, что в некоторой степени позволило и ей посмотреть на указанного «типа» немного с другой стороны.

Личную жизнь друг друга Любава и Зенон в разговорах за всё время вынужденного взаимодействия, никогда не затрагивали: у молодой женщины не было привычки изливать свою душу да и сплетничать, особенно о тех людях, с которыми, как она была твёрдо уверена, её личная жизнь точно не соприкоснётся. Но всё же кое-какое представление из отдельных обрывочных фраз и подтруниваний коллег, которые через короткое время уже не стеснялись делать это при Любаве, принимая её за свою, она имела. Главное, что все обсуждали, это наличие у Зенона иногородней невесты и якобы предстоящую в обозримом будущем свадьбу. Любава была очень рада данному факту. Но при этом про себя отметила, что на счастливого влюблённого человека, какими бывают в её представлении в указанный период люди, тот почему-то не похож. Зенон тоже не терял времени зря и при случае выпрашивал подробности об учительнице у её руководительницы, но та, надо отдать должное, лишнего не говорила, соблюдая женскую солидарность. Любава с какого-то времени сама стала замечать со стороны преподавателя проявление знаков заботы и внимания, искренней заинтересованности её делами, настроением, даже маленькой дочкой, по-прежнему воспринимая их на уровне отношений типа «старшего брата». При этом Зенон держался выдержанно и стойко, однако коллеги и окружающие первыми заметили перемену его отношения к Любаве, на что не преминули при случае обратить внимание. И только один раз по прошествии полугода со дня первой встречи с Любавой Зенон «сорвался». Как-то под предлогом обсуждения каких-то предстоящих рабочих моментов, в один из майских субботних дней, зная, что в это время у Любавы дежурство, он зашёл к ней на работу. Дежурная особо не удивилась, тем более, что к этому времени ей уже стало известно, что он живёт неподалёку от школы. Любава, следуя этикету, предложила ему чай-кофе, и во время разговора, дошедшего в какой-то момент до делового спора, стала советовать для обоюдной пользы в таких случаях яснее выражать свои мысли, то есть высказываться о том, что желает изменить или уточнить каждая сторона. После чего Зенон в одно мгновение как-то резко встал, взял со стола ключи и, подойдя к двери кабинета, закрыв её на ключ изнутри, произнёс:

– Да, действительно, а почему бы честно не сказать, что я хочу и сейчас, и уже какое-то время назад по отношению к тебе? Я могу теперь с уверенностью сказать, что всё это время, беседуя с тобой, видя тебя, я хочу целовать тебя, я хочу близости с тобой, да, ты вызываешь у меня именно такие чувства! Кому сказать, взрослый мужик, я никогда не был в таком состоянии. Никто не поверит, что я до сих пор ничего из этого не совершил, – мужчина подошёл

вплотную к женщине, – ну вот, я высказался тебе, теперь мне стало легче, можешь делать с этим, что хочешь.

Любава от этих слов невольно напряглась, а когда напряжение спало, проговорила:

– Знаешь, я не буду лукавить, что не замечала в последнее время какие-то твои задумчивые взгляды в мою сторону, но честно говоря, никак не могла представить, что это в такой степени. А как же твоя невеста? Я не допущу, чтобы из-за твоего порыва, пострадал невинный человек. А о себе скажу, что по причине некоторых личных обстоятельств я не могу сейчас адекватно реагировать на такие признания и ещё долго буду отходить от личных потрясений, не связываясь, по крайней мере так скоро, с кем бы то ни было, чтобы избежать новых разочарований. И если тебе важно наше сотрудничество, давай всё-таки оставим прежний, ставший на мой взгляд дружеским, стиль общения. Ну и поскольку я люблю и уважаю всех своих друзей, а при встрече мы можем и обняться, и чмокнуть друг друга (по-дружески), давай сейчас сделаем то же самое и больше не будем возвращаться к этой теме.

– Я принимаю твои правила, – Зенон сделал шаг назад, – прости, если обидел, но не отказываюсь от своих слов и по-прежнему считаю, что нам надо будет вернуться к этой теме, тем более, ты извини, но Аня мне кое-что всё-таки рассказала о превратностях твоей семейной жизни, и она, между прочим, на моей стороне, поэтому я готов поддержать и помочь тебе, пусть, как ты выражаешься, и по-дружески, до тех пор, пока ты не поймёшь и не изменишь своё мнение. А по поводу так называемой невесты, хорошо, я расскажу тебе всё сам, в другой раз, но и ты – тоже. Я давно понял, что мне нужна такая, как ты, а не она, с ней я всё решу в любом случае, и здесь ни твоей, ни чьей вины точно нет.

Любава, конечно, была потрясена данным обстоятельством, но всё-таки решила, что события в дальнейшем должны идти естественным образом, без навязывания чьего-то мнения, чувства, при этом мысленно поблагодарив Зенона за то, что тот всё-таки достойно вышел из положения и не стал набрасываться на неё, что окончательно испортило бы её мнение о мужчинах, как о классе. Ещё она подумала, что, наверное, в её жизни настала пора тех самых женских проблем, с которыми в тридцатилетнем возрасте большинство уже давно столкнулись, и ей тоже нужно разобраться в себе. В каких-то отдалённых перспективах она от новой личной жизни не отказывалась, но не думала, что окажется в такой непростой ситуации.

Прошло ещё четыре месяца, в которые Зенон и Любава не так часто пересекались в своих параллельных мирах. Преподаватель института по-прежнему вёл себя в беседах и при встречах (в основном, они были по рабочим делам) предельно внимательно и открыто доброжелательно, при этом всегда подчёркивая, что его отношение не изменилось, а стало ещё более прочным, но со стороны Любавы он готов довольствоваться тем, что имеет. А учительница с ребёнком в это время уже около трёх месяцев жила на съёмной квартире неподалёку от своего места работы. Зенон даже пару раз заходил посмотреть, как она устроила свой быт. Надо сказать, что Любава тоже несколько раз к тому времени побывала в гостях у друга, где познакомилась с его родителями, не в известном качестве, конечно, а в качестве просто хорошей знакомой, как настаивала она, о чём последние даже немного пожалели. Молодая женщина всё ещё надеялась, что своим открытым дружественным отношением к Зенону она всё-таки позволит перебороть его порыв, даст понять его неправоту, и всё встанет на свои места, а последний ещё будет ей благодарен за жизненный урок. Тем более, что всё дальнейшее поведение Зенона стало спокойным, уравновешенным, действительно, возвратилось в разряд приятельских, чему Любава была несказанно рада. Подобных разговоров уже продолжительное время не возникло.

Квартира, где жила Шугалевич, была практически новой. Хозяин её, известный юрист, живший и работавший в Минске, купил её по случаю, в микрорайоне, где жили его родители, наведывался туда нечасто, скорее использовал её вместо гостиницы для себя и никогда не намеревался специально сдавать, но по случаю не преминул воспользоваться возможностью

помочь надёжному человеку за умеренную плату. В благодарность Любава, конечно, старалась поддерживать в ней идеальный порядок, даже приняла участие в распоряжении некоторыми ремонтными работами, которые хозяину трудно было завершить из-за занятости и расстояния. Зенон знал номер телефона данной квартиры и иногда под предлогом и без звонил, чтобы «просто поболтать». Однажды мужчина позвонил и сказал:

– Я видел, проходя мимо, у тебя на днях окно поздно светилось несколько дней подряд. Всё так поздно работаешь? Девушкам вредно так много работать.

– А ты что следишь за мной (щучу)? – усмехнулась Любава.

– Ты, наверное, забыла: я часто на стадион мимо прохожу, да и с собакой иногда прогуливаемся в этих местах.

– В принципе, да, пользуюсь возможностью поработать в отсутствие в данном жилье телевизора и музыки.

– Кстати, я и не подумал! – обрадованно воскликнул Зенон, – хочешь поделюсь с тобой магнитофоном, только уже музыку будешь выбирать сама, боюсь твоим вкусам не угодить.

– Ладно, спасибо, приму во временное пользование.

Через пару дней в выходной Зенон позвонил уже в дверь квартиры. Любава в это время в рабочей форме – джинсах, домашней рубашке, в совершенно несоблазнительном, на её взгляд, виде переклеивала обои в прихожей. Процесс этот был практически завершён, оставалось только немного прибраться. Временная хозяйка квартиры открыла дверь. Зенон склонил голову, улыбнулся и произнёс:

– Принёс обещанную музыку, – мужчина шагнул в коридор и удивлённо качнул головой, – а что ты делаешь? Как? Это ты сама? Ни за что бы не подумал.

– Отличное средство релаксации от разных там истерик, – женщина усмехнулась, – и испытываешь заодно чувство удовлетворения и благородной усталости, что не позволяет роиться всяким там мыслям. Но пока ещё не успела беспорядок прибрать.

– Давай помогу.

Любава встала на табуретку, чтобы положить на книжный шкаф оставшиеся рулоны обоев, до сих пор наваленные на единственном спальном месте, – небольшом диване и улыбнулась.

– Помогай.

В этот момент табурет пошатнулся. Зенон, подхватив Любаву, рывком снял её со стула, и прижимая к стенке шкафа, начал настойчиво, но довольно нежно целовать, расстёгивая одежду. При этом женщина, полностью ощущая всю его прижатую к себе фигуру как будто бы налившейся сталью, не нашла сил сопротивляться естественному и неизбежному, как ей показалось в самый короткий миг, процессу и начала отвечать ему тем же, ощущая в начале небольшое удивление со стороны партнёра. Когда с препятствиями довольно легко удалось справиться, у Любавы на мгновение промелькнула мысль: как и где? После чего Зенон, молча, быстро обведя взглядом пространство, просто оставил обнажённое прекрасное создание природы у себя на руках. Женщина в этот момент лишь успела подумать, что такое видела лишь в фильмах, как её настигла та самая волна... Потом с дивана было сброшено всё лишнее, и продолжение последовало уже там.

Любава немного погодя отметила в положительном смысле, что Зенон в произошедшем процессе не говорил того, что она не хотела слышать, и не задавал после всего глупых вопросов. Мужчина, поняв настроение женщины, улыбнулся и произнёс:

– Ну, теперь ты понимаешь, что мы с тобой просто созданы друг для друга, зачем отбрасывать очевидное. Я по-прежнему решение оставляю за тобой, не буду неволивать. Но одно скажу: что бы ты сейчас не говорила: «мне надо это переосмыслить, побыть одной» (я уже изучил твой характер), я тебя не оставлю, сейчас схожу домой кое за чем, а вы, девушка, готовь-

тес, что проведёте эту ночь всё-таки в постели с мужчиной, который все ваши дурацкие мысли с этих пор будет выбивать из головы.

Вместо ответа Любава лишь улыбнулась.

А потом была ночь, наполненная нежным познанием друг друга, без финального секса, что ещё больше покорило Любаву, которая почувствовала себя женщиной, окутанной любовью, заботой, лаской и нежностью.

Через некоторое время Зенона не стало. Причина несвоевременного ухода мужчины в мир иной не зависела от кого бы то ни было – так несправедлива оказалась судьба, хотя где-то косвенно он и сам был виноват, совершив, быть может, необдуманый поступок в молодости – поездку за «подвигом» в небезызвестный Чернобыль. Любава и Зенон расстались где-то года за полтора до случившегося по причине того, что сам мужчина очень упрямо не захотел никого обременять своими проблемами, не слушал никаких доводов и даже ради этого уехал из города.

После ухода светлого человека из жизни Любава вновь окунулась в обыкновенные будни, наполненные работой, заботой о ребёнке и другими житейскими проблемами. Муж женщины всё чаще давал о себе знать, уверяя жену, что изменился. И однажды Любава дрогнула и вернулась к просителю, сохраняя за собой право независимой, не терпящей оскорблений и унижений женщины. В таких отношениях родилась ещё одна дочь. Но муж был болен ревностью. Контроль, желание властвовать и постоянно дёргать по мелочам стали неотъемлемыми составляющими в поведении Коли. Любава часто задумывалась о сущности ревности, справедливо считая, что она возникает из-за недостатка любви, внимания и других составляющих семейных взаимоотношений. Её ревнивый муж думает, что его жена ласкает кого угодно, только не его. Но жена с первых дней замужества хотела всю нежность своей души отдать мужу, быть ему верной. Мужчине это не помогло. И он собственноручно погасил костёр любви. А потом постепенно стало превращаться в угли уважение и внимание к спутнику жизни. Любава думала, что ревность у мужчин, возможно, унаследована от животных, когда зверь-самец защищает свою самку от посягательства других. Но даже у зверей самка выбирает сильнеешего. Есть и банальное объяснение этому очень болезненному явлению в семейной жизни: ревнует тот, кто сам погряз в изменах и разврате. В общем, ревность – это не порок, но психическое отклонение от нормального поведения у мужчин, когда в столбе, к которому женщина нечаянно прислонилась, мужчина видит соперника.

Под воздействием жизненных ситуаций и событий сердце и душа Любавы закалились и, несмотря на семейные проблемы, женщина смогла занять достойное место в обществе, что не могло ни раздражать мужа. Получив хорошее образование и обладая природным умом, внешней и внутренней красотой, она давно уже стала заметной в обществе и в коллективе. Любаву как перспективного специалиста поставили в резерв для выдвижения на руководящие должности. С этого момента опытная директор школы стала посвящать Любаву в тонкости учебного процесса и хозяйственной составляющей, как бы готовя её на своё место и предчувствуя свой уход. И это предчувствие сбылось. Руководитель учреждения, ещё относительно молодая женщина, скоропостижно умерла от внезапной остановки сердца. Это было шоком и трагедией для коллектива школы, в том числе и для Шугалевич. Встал вопрос, кто станет новым директором. Коллектив «чужаков» принимать не хотел и выдвинул трёх своих кандидатов из числа педагогов. Среди них была и Любава Твердиславовна, которая всячески этому противилась, считая себя ещё не созревшей для ответственной должности. Для отказа были у Любавы и другие причины, связанные с планами попробовать себя в другой сфере деятельности. Но коллектив настоял на том, чтобы Шугалевич не снимала свою кандидатуру с рассмотрения вышестоящего руководства. В это время на должность директора школы выдвинулись ещё пять сторонних кандидатов. Решающим фактором в судьбе молодого педагога стала беседа с начальником отдела образования. На следующий день после смерти директора школы руко-

водитель районного отдела образования пригласил Шугалевич к себе в кабинет и, печально улыбнувшись, произнёс:

– Очень жаль, что от нас преждевременно в расцвете сил уходят лучшие люди, прекрасные специалисты своего дела. Но такова жизнь. Поэтому хотим мы этого или нет, вынуждены готовить себе замену. Я опытный человек и разбираюсь в людях, поэтому наш сегодняшний разговор не случаен. Скажу откровенно, я за вами наблюдал не одним глазом, а двумя и пришёл к выводу, что вы тот человек, который может двигать сложный механизм школы на пути к прогрессу.

Шугалевич нерешительно пожала плечами.

– Но я по сравнению с вами слепой котёнок, которому ещё нужна мама.

– Вы недооценивайте себя. Ваши умные красивые глаза давно излучают уверенность и профессионализм. А если в них появится растерянность при виде каких-то непонятных вещей, для этого есть я, который эту растерянность превратит в уверенность.

– Но это же тысячный коллектив вместе с учениками, плюс хозяйство, кухня, медицина, ремонты, проверки, плюс ко всему этому добавить родителей, бабушек-дедушек, плюс надо ещё и деньги самим зарабатывать, – Любава Твердиславовна снова пожала плечами.

– Своими словами вы подписали себе приказ о назначении вас директором школы, – солидный, приятный мужчина доброжелательно улыбнулся, – я был уверен, что вы уже вникли во все школьные дела, об этом мне когда-то говорила и ныне покойная ваш руководитель. И я уверен, что такие, как вы, умные, красивые, упорные, инициативные, смогут повести школу в правильном направлении. Государство на вас рассчитывает, понимая, что школа – это своего рода мини-государство. И если в нём будет порядок, то и в нашей стране наступит процветание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.